

НЁМАН

2/2010

ФЕВРАЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционно-издательское учреждение
«Літаратура і Мастацтва»

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир КОРОТКЕВИЧ. Предыстория. Повесть. Продолжение.	
Публикация А. Верабья	3
Юрий САПОЖКОВ. Пред совестью своей... Стихи	33
Алесь ЖУК. Дачный туман. Рассказы. Перевод с белорусского автора.	41
Михаил ПОЗДНЯКОВ. Каждый миг навсегда. Стихи.	
Перевод с белорусского Г. Киселева	52
Владимир ВАСИЛЕНКО. Три рассказа о счастье	59
Изяслав КОТЛЯРОВ. Небесная весть. Стихи	71
Ольга ЕРЫШЕВА. Страна разочарований. Рассказы	75
Алексей НЕСТЕРОВ. На пороге судьбы. Стихи	85
Наталья ПАРХИМОВИЧ. Прощение. Новеллы	87
Наталья АЛЕЙНИКОВА. Искры красок. Стихи	97
<u>«Всемирная литература» в «Нёмане»</u>	
Марк ДЮГЕН. Счастлив как бог во Франции. Роман. Окончание.	
Перевод с французского И. Найденкова	100
Дмитрий ПАВЛЫЧКО. Колосок из моего зерна. Стихи.	
Перевод с украинского В. Зубаревой	143
<u>Документы. Записки. Воспоминания</u>	
Олег ЖДАН. Звенящий ручей	147
Валерий ГРИШКОВЕЦ. Одиночество в хаосе мегаполиса.	
<i>Фрагменты дневника . . . . .</i>	150
<u>К 65-летию Великой Победы</u>	
Вячеслав БУРДЫКО. Потомки Победы. «Честь моей бригады — моя честь...»	180
<u>Личность</u>	
Наталья СОВЕТНАЯ. «Пахне чабор»	192

Люди. Страны. Континенты

Кирилл ЛАДУТЬКО. Перед ветрами времени 198

Время. Жизнь. Литература

Казимир КАМЕЙША. Равнясь на век 207

С точки зрения рецензента

Надежда СЕНАТОРОВА. «Душа славянского разлива» 214

Евгений КОРШУКОВ. Испытание 220

Книжное обозрение

Антон БАЗЫЛЕВИЧ. Новые книги 222

Авторы номера 224

**Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь БАДАК**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

*Евгений Коршуков, Наталия Костюченко,
Станислав Куняев, Валентин Лукаша, Игорь Лученко,
Владимир Макаров, Алесь Мартинович,
Борис Олийник, Николай Опиок, Геннадий Пашков, Михаил Поздняков,
Валентин Распутин,
Анатолий Сулянов, Николай Чергинец*

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. А. Губарь*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Т. С. Чуйковой*

Подписано к печати 11.02.10 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,28. Тираж 3830. Заказ 387.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Адрес редакции: 220034, г. Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии,
публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

© «Нёман», 2010, № 2, 1—224

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»**

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

Предыстория*

Повесть

* * *

Обахт, отойдя на десять шагов, притаился у стены и стал ждать. Он благоговел перед Нервой, его собачья преданность находила гениальной эту подлую выдумку. Расчет верен, тот повесится скорее, чем повесили бы его, он не захочет ждать, пока он, Обахт, вернется за веревкой. Он ждал, как ему казалось, целую вечность, и пот уже выступил у него на лбу, когда он услышал в камере шорох, потом падение чего-то тяжелого (ага, упал камень — отметила послушная мысль) и потом сдавленный короткий не то стон, не то хрип. У Обахта яростно заколотилось сердце. Так и есть: это дерьмо повесилось и теперь качается там. Интересно, пора ли уже зайти, успел ли он умереть. Наверное, да, а если и нет, то можно будет при надобности дернуть его за ноги. Он правильно понял приказание кульгавого Патша, коменданта цитадели, отданное намеком. Наверное, никто другой не понял бы его, и значит, вакантное место надзирателя теперь за ним. Он был счастлив. Из камеры донесся опять какой-то стон-всхлипывание. Черт возьми, эта собака долго не кончается, надо ему помочь. И Обахт опрометью бросился к дверям камеры. Приоткрыв глазок, он увидел ноги, судорожно плясавшие в воздухе. Очевидно, он не заложил веревку за ухо и теперь мучается дольше, чем было бы нужно. Что делать, опытности в таком деле нет ни у кого. Редко кто вешается дважды в жизни. Он сам засмеялся собственной шутке. Но отчего он так долго не вытягивается? Надо, очевидно, дернуть за ноги. Думать было некогда. Обахт отворил дверь и бросился в камеру.

Он не успел еще ничего подумать, как страшная тяжесть обрушилась ему на плечи и жестокий удар чем-то тяжелым по затылку разбил голову. Кровь широкой волной залила глаза. Крикнуть он был не в силах. «Черт возьми, он висел на руках». И это было последнее, о чем он вообще мог подумать. В ту же секунду Обахт мешком свалился на пол, а через его голову перелетел и ударился об пол Ян Коса. Он пролежал несколько секунд и потом поспешно принялся наводить в камере порядок. Он стащил с тюремщика одежду, разделся, напялил ее на себя, отвязал с пояса связку ключей, оттащил тело на свою солому и накрыл его лохмотьями.

«Черт побери, я со своей слабостью никогда бы не одолел этого силача, если бы не прибегнул к такой хитрости», — подумал он и, взяв веревку с собой и накинув плащ Обахта, осторожно вышел в коридор, опустив капюшон на лицо.

Когда он проходил мимо двух часовых у дверей коридора, игравших в кости, — они заметили его.

---

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в № 1, 2010 г.

— Эй, Обахт! — крикнул здоровенный верзила. — Иди-ка сюда. У нас тут спорный вопрос, Михель сжулил шестерку.

Коса, судорожно сжимавший свое окровавленное оружие — оловянную тарелку и длинную веревку, одной рукой — правой — махнул им, как бы приказывая отвязаться. Конвойные удивленно посмотрели ему вслед. Потом низенький, почти квадратный Михель сказал:

— Он, Франц, очевидно, идет к Патшу. У него какая-то там возня с этим заключенным из угловой камеры. Боюсь, что парень не доживет до утра.

— Опасная все же собака этот Обахт. Не дай ему бог стать старшим надзирателем — тогда и вовсе хоть беги. Эх, Михель, собачья это служба — мучить людей. Если бы тут не платили в пять раз больше, чем в наемных полках, — ноги бы моей тут не было. А так все же ползолотого за дежурство, каждые десять дней — пять серебряных талеров и все такое прочее.

— Я, Франц, жду не дождусь, пока не скоплю 500 золотых и уеду в Эйзеланд. Там родная земля, я смело смогу посвататься с этим деньгами к Катарине и унаследовать у ее отца пивную и большую лавку. Теперь мне остается всего 50 золотых собрать.

— Эх, Михель, ты не женат, тебе легче, а я не могу дождаться, когда увижу Марту и сыночка. Ему сейчас двенадцать лет, и он ходит в школу к нашему патеру. Если мальчишка не будет обеспечен — ему никогда не стать богословом. Вот и не служи здесь. А все же надо убираться. Тут заваривается соленая каша, и рано или поздно, а нам выпустят кишки.

— Да, ужасная земля, а эти славяне — сущие черти. Отчаянные ребята. За столько лет не привыкнуть к мысли, что они рабы.

— Если не привыкли, то уже и не привыкнут, а мы тут начинаем трещать по всем швам.

Быть может, удивительным кажется, что тюремные караульные вели такие разговоры, однако по сути дела ничего удивительного не было. Если в народе не заметно отдельных вспышек на лице скрыто кипящей страны, то нигде эти вспышки не видны так хорошо, как в тюрьме и во всем, что к ней относится. Мало кто знал о бунте в Жинском краю, убийствах чиновников в Рушпе, «волчьих братствах» в болотной Боровине, но здесь все эти струи слились в трех соседних камерах этого коридора. Страна кипела, и тюрьма раскрывала свои камеры, жадно захватывая все новые и новые порции людей.

Между тем Коса благополучно миновал и вторую пару часовых и подошел теперь к железной решетке, опущенной из длинной щели в арке. Он помнил, как ее поднимает сторож, каморка которого прилепилась по ту сторону решетки. Память Яна не была нарушена сидением в камере и пытками, поэтому он припомнил, как Обахт давал знать сторожу, чтобы он открыл решетку. Он взял большой болт и три раза ударил им по железному пруту. Сонный сторож, зевая, открыл в решетке небольшую дверцу (сама решетка поднималась кверху только тогда, когда тюрьму посещал Нерва или кто-нибудь из сановников). Он пропустил «Обахта» вперед, и вдруг ему показалось, что походка у него стала какой-то не совсем такой. Он подозрительно посмотрел вслед фигуре в капюшоне и вдруг тревожно спросил срывающимся голосом: «Господин Обахт!»

Ян Коса услышал это, и у него сразу упало вниз сердце, потом, холодное, стало подниматься кверху и заткнуло тугой пробкой горло, это было ужасно. Что делать? Понятно. Если он окликнет его еще раз, надобно повернуть, подойти к сторожу и попытаться убить его без шума. Он нетвердыми шагами продолжал идти. Но сторож его не окликнул. Решив, что Обахт не услышал его, он сразу разуверился в своем подозрении и, зевая, пошел в сторожку. Ян

завернул за угол, и тут ноги его сразу отяжелели. Он только теперь понял, какой опасности избежал. Нет, дальше идти так нельзя. Надо выбираться на другую дорогу. Когда его водили на допрос, он миновал шесть постов, две решетки и один сторожевой пункт, где спрашивали пароль даже у Обахта, даже у самого коменданта. Хорошо, что допросы были часты и он был осужден на смерть заранее: на него не надевали мешок и он мог хорошо изучить дорогу. Он ориентировался даже в темноте. Сейчас он находился на полукруглой площадке, прилепившейся у башни Жабьей норы. Хорошо, что она глухая и в ней нет бойниц, зато наверху стража, стоит кому-либо перегнуться через зубцы, и они увидят его. За этой площадкой следовала крутая лестница вверх и там вторая стража. Даже если он минует этот пункт, за ним следует перекидной мост к башне св. Фомы. Пока доберешься до нее — надо пройти две усиленных стражи. Да в тоннеле сквозь основание башни в скале стража и около нее сторож, настоящий Цербер, который всегда бил его палкой вдогонку, когда вели. Ладно, предположим, он пройдет и мимо Цербера. У выхода из башни опять решетка, потом, прежде чем дойдешь до следующей стражи, где спросят пароль, еще одна стража, а потом ещё главные ворота, омут под подъемным мостом, поднятым ночью. Нет, слишком много «предположим». Другой путь надо избрать сейчас же, не доходя до верха лестницы. Сейчас уже поздно, часа два пополудни, через четыре часа будет светло, успеет ли он добраться к башне святого Фомы? Конечно, можно было бы броситься со стены, опустившись на длину веревки, и упасть в ров, но, во-первых, шум от падения услышат, а во-вторых, стены рва отвесные. Если он не разобьется о них, то, конечно, не выберется из рва, и значит, будет ждать в нем, как крыса в западне. Ров отделен от болота перед башней св. Фомы шлюзом. Нет, лучше добраться за зубцами стены по наружному ободку с украшениями до висячего моста. («Вот чертовы куклы, — подумал он о строителях цитадели, — еще и о красоте думали, а ей, стене, этот ободок все равно как старухе венки на голову, только портит вид».) До висячего моста, а там будет видно. Если добраться до «св. Фомы», то там есть в стене трещина, стена чуть осела. Как далеко она идет — неизвестно, но, во всяком случае, пара лишних саженей будет не во вред. А внизу болото, за ним камыш у ленивой Щуковицы, а там... ищи-свищи. Но как перейти через висячий мост, если на нем два караула? Э, черт, не все ли равно. Авось поможет Ян Непомуцкий.

Он осторожно перекинул ноги через зубцы площадки и повис, стараясь нащупать ногами карниз. Болтался, как ему казалось, целую вечность, но... карниза не было. Он покрылся холодным потом. Устанут руки и потом... крышка, и как глупо. На всякий случай он перехватил руками два зубца и перекинул тело левее, потом опустил ноги и насколько было можно вытянул носки. Он уже терял надежду, когда его правая нога коснулась, наконец, твердой опоры. Тогда он опустил руки и стал медленно сползать на карниз. Отчасти это хорошо, что он так далеко от стены, никто не увидит, когда будет по нему идти. Самым трудным делом было повернуться к стене спиной, не имея опоры для рук. У него болели плечо и спина. Страшное напряжение не прошло даром, но он повернулся, едва не упав. От одной мысли об этом его пробрала дрожь. Стены в восемь саженей, несколько футов обрыва, облицованного камнем, да плюс ров, глубины которого он не знал. Он пошел, прижимаясь всем телом, дрожащим от напряжения, к стене, цепляясь за нее, как за мать. Он отошел, как ему казалось, очень много, но когда оглянулся, увидел, что продвинулся едва на шесть саженей, а впереди путь без конца и края. Однако он машинально продолжал двигаться, а когда сильно устал, уже почти у поворота карниза, обходящего вторую площадку, даже позволил себе остановиться и передохнуть. Он был измучен до полусмерти, болело истер-

занное тело, но он принуждал себя двигаться вперед. Он уже не думал ни о чем, стоять было хуже, и он начал карабкаться дальше, как лунатик. Спасала темнота, и она же сослужила ему и вторую службу. Он только представлял головокружительную высоту, на которой находился, но не видел ничего. Луна скрылась недавно, было душно, по небу бежали обрывки туч, к тому же он находился на другой стороне замка. У его ног клубился черный мрак, он мог предполагать внизу все что угодно, любые страхи, но он не видел бы ничего и поэтому не испытывал головокружения. Иначе он бы, наверное, упал, хотя и прекрасно лазал по деревьям в детстве. Он двинулся быстрее, огибая площадку. До часовых было так близко, что он слышал, как они говорили о каком-то мошеннике Рабенштерне, который ловко сбыв фальшивые деньги. Один раз кто-то поднялся и плюнул через парапет. Коса чуть не сорвалась вниз, отпрянув в сторону. Мускулы от напряжения слабели. Спина становилась деревянной, и он с ужасом думал, сколько препятствий у него на пути. Он понимал, что шансов на спасение у него — один из сотни. А впереди еще висячий мост. И, когда, сделал еще шаг, то нога его повисла в воздухе, и он быстро откинулся всем телом назад. Карниз исчез, перед ним была гладкая стена. Ян потерял силы от отчаянья и, осторожно опустив ноги, сел. Он подумал, что спит, ощущал рукою место около себя. Нет, чувства его не обманывали. Карниз исчез.

Коса сидел на месте уже минут десять, и мысли лениво шевелились у него в голове: «Погиб, пойман, как лис в капкан». Еще полчаса назад он бы примирился, если б его повели на казнь, но теперь... расстаться с жизнью, когда он почти на свободе, когда столько опасностей позади. Глупо. Глупо. Ох, что делать, что делать. Как лис в капкан... И вдруг припомнилось, как он дома перед арестом заметил, что кто-то обкрадывает его капканы, и однажды застал за этим занятием хуторянина из Млатской долины, Зразу. Он тогда отпустил его. Неужели из-за этого Зразу помог его схватить? Нет, конечно, были и другие причины, ведь они тоже кровососы, и их он тоже собирался брать за глотку, только позднее. А они его упредили, не помогли, продали. Что же, черт с вами. Он схвачен. Плохо было Зразе, плохо ему, но никто не подумал, что чувствует изнемогающий лис в капкане. Он сейчас таков. Ему представилось, как скалит над его трупом желтые зубы проклятый Зразу, и стало обидно за свою немощность. Нет, вперед, черт их всех подери. А Зразе, Зразе... нож в сальник. Он опять встал, уцепился руками за камень и ощупал стену. Над головой он нащупал какой-то крюк и привязал к нему свою веревку так, чтобы можно было ее отвязать, дернув за другой конец. Другой конец он привязал к поясу на тот случай, если сорвется. Потом, проверив крепость веревки, напрягся и прыгнул вперед. Ноги его уперлись во что-то твердое. «Карниз», — с захлебывающейся радостью подумал он. Он стоял, упершись в него ступнями и откинувшись назад, в сторону того места, где карниза не было. Обливаясь потом, срывая ногти, ухитрился стать на колено на обрыве. Это положение было устойчивее, и он мог перевести дух, прежде чем принять удобное положение. Еще минута и он уже стоит, вот веревка у него в руках, вот он движется дальше. И вот он обошел площадку, и уже мост в каком-то шаге от него. Вот он под мостом, теперь нужно думать, как пробраться по нему. И вдруг он понял, что нет никакой надобности идти по мосту, что мост лежит на цепях и по ним можно пробраться к башне Фомы, под караулом. Он подпрыгнул (благо площадка карниза была под мостом шире) и, не желая дать себе ни минуты отдыха, стал перебирать руками звенья цепи. Внизу kloкотал ручей, проходивший через крепость и впадавший в болото у башни святого Фомы. Он шел сквозь стену, заключенный в трубу, и течение его было перегороджено несколькими прочными решетками. Стена в этом месте

отступала углом назад. Ручей давал в цитадель воду, а также служил вместо канализации — в него спускали ниже по течению нечистоты. Можно было бы спрыгнуть тут, но высота была страшной, а ручей мелок, и кроме того, загроможден большими и острыми камнями. Тут было мало шансов остаться в живых. Поэтому Коса преодолел искушение окончить скорее свой опасный путь и начал карабкаться дальше. Когда устал висеть на руках, он обнял цепь ногами и начал двигаться вниз спиной, как гигантский ленивец. Движения у него были так же медленны, как у ленивца. Хорошо, что поток заглушал методическое позвякивание цепи. И все же в конце моста ему пришлось пожалеть, что он не спрыгнул в ручей.

Заканчивая свой опасный и долгий путь по цепи, он услышал какой-то шорох, но не обратил на него внимания и продолжал карабкаться. Вот и площадка внизу, а на ней такой же карниз в ступню в обвод башни св. Фомы. Только бы добраться без помех до ее середины. Он ступил на площадку и тут увидел в проломе чьи-то безумные глаза. Он вздохнул, думая, что галлюцинирует. И тут увидел крохотное окошечко, забранное крест-накрест решеткой толщиной в руку. Из-за решетки, припав к ней лицом, глядел человек.

У человека было жалкое искаженное лицо, длинная полуседая борода, нос, сбитый набок, и сумасшедшие, дикие глаза. Увидя Косу, он зачавкал ртом, но тут же лицо приняло более осмысленное выражение. А видя, что Коса в ужасе отступил на карниз и двинулся прочь от окна, закричал пронзительным детским голосом, заверещал по-заячьи: «Брат, возьми, брат!»

Коса испугался и почти побежал по карнизу, а вслед ему неслись, причитая, дикие вопли: «Брат, брат, возьми, брат!» Он летел по карнизу, забыв об опасности сорваться, а голос кричал, просил, требовал: «Брат, возьми, брат, возьми, брат... брат!» В голосе звучали растерянные, детские рыдания.

Потом хлопнуло что-то, наверное, дверь, раздался крик, на этот раз крик ужаса, и умоляющие, жалобные вопли: должно быть, человека били.

Ян стоял за закруглением стены, и сердце его мучительно билось. Что бы он мог сделать для того, несчастного? Да и незачем, все равно он уже сошел с ума. Кровь стучала в голову, в глазах темнело, сами собой сжимались кулаки. И тут прилив дикой силы охватил его, он готов был кричать и двинулся по карнизу почти бегом, не боясь упасть, хотя здесь карниз был уже. Он никогда не думал, что в нем есть столько сил, столько ненависти, столько безумной жажды свободы. Он переметнулся через какой-то камень, нависший над карнизом, и понял, что он уже под тем местом, где часть башни несколько осела вместе с фундаментом из-за болотной почвы. Он остановился и чутко прислушался: из камеры все доносились верещание и вопли. Потом все стихло. Тогда он опустил ноги и скользнул вниз. Там была трещина, неглубокая, но достаточно широкая, чтобы ловкий и здоровый человек мог, упираясь в нее, с опасностью, правда, для жизни, спуститься. Он распластался, как лягушка, и принялся осторожно сползать.

* * *

— Что там такое? — спросил Патш, когда раздались крики.

— Ничего особенного, — ответил щеголеватый молодой корнет, входя в его комнату. — Всего-навсего тот сумасшедший из каменного мешка, что с окном под крышей. Он как-то приспособился взлезать по стене к окну, вы ж знаете. За это нечего опасаться: сквозь ту решетку и крыса не пролезет, не то что он. Висит там часами, силен он необычайно, хотя теперь начал сдавать. Когда завопил — мы бросились туда, он висит под потолком и вопит, вопит

что-то нечленораздельное. Потом: «Возьми, брат», — и свалился вниз. Его избили, то есть, э-э, наказали малость, и он сейчас спокоен, только плачет и всхлипывает.

— С чего бы это он начал вопить? Увидел, что ли, кого?

— Да нет, его окно над самым потоком. Какой бы осел туда влез, не сломав шею. Вообще я не понимаю, зачем держать этого идиота. Он все равно не смыслит ничего, только ест и гадит. Один убыток для казны. Вот и все.

— Ну, ну, не наше дело обсуждать Нерву, это сделают другие, поумнее нас. А все-таки вы осмотрите, там, кажется, есть карниз.

— Да ведь по нему и мышь не пробежит. Это вовсе ненужная работа, — возмущился офицерик.

— Ладно, ладно, не умничайте.

Офицерик со вздохом вышел из комнаты и поплелся по лестнице наверх — осматривать.

* * *

Ян Коса был уже на половине пути, как из-под его ноги оборвался кусочек камня и покатился вниз, и в ту же минуту сверху раздался встревоженный голос: «Эй, кто там, ну-ка ни с места, а то я влеплю в тебя заряд».

Ян замер, обливаясь холодным потом. Проклятый несчастный уже поднял стражу на ноги. Конец, конец — и как глупо. Он уже хотел было подать голос, но раздумал и решил сидеть тихо как мышь. Он сидел, а человек сверху крикнул еще раз: «Выходи!» и, остановившись у зубцов, начал смотреть вниз. Яну было трудно стоять, от напряженного положения затекали ноги, и тут он сообразил, что находится под нависающим сверху камнем и, следовательно, не виден сверху. Тогда он, переполнившись нахальства, начал спускаться назло всем. Он успешно проделал половину пути и только тогда взглянул наверх: человека наверху не было видно, и Ян продолжал спускаться. Он спускался долго, пока ноги его совсем неожиданно не коснулись твердого. Он чуть не закричал от радости — ведь он считал, что только на половине пути. Нет, это была не земля, это был камень, такой же камень, как и наверху. Он понял: чтобы укрепить осевшую стену, ее разобрали в двух местах, в конце и начале трещины, и вставили два циклопической величины камня, чтобы трещина не шла дальше. Значит, крышка. Внизу еще половина пути. Смерть, смерть, верная смерть. Он позабыл о том, что два часа назад с удовольствием бы бросился с большей высоты, теперь не то, надежда родилась и умерла, но он хотел жить. У него не было никаких сил продолжать спуск, он вымотался, он отдал последнее. Усилием воли он попытался поднять в памяти все, что могло бы приободрить его. Но мозг работал лениво и безразлично.

«Месье, Зраза — ну и пусть живет, другой его зарежет, а я кончен. Человек за решеткой — ну и я кончен. Зачем мне все это». Пошел проливной дождь, но человек не заметил его. Коса понял, что ему все равно не выбраться отсюда, обхватил колени руками и заостенел.

* * *

Михель и Франц успели перебрать все темы разговора, одуреть от бесконечных партий в кости, а Обахт все еще не возвращался. Скука была жуткая, того и гляди заснешь, рот кривился зевотою, и тогда они вспомнили, что Обахта нет уже два часа.

— Черт его знает, где он, — проговорил Франц и поднялся во весь свой гигантский рост. — Давай-ка поборемся.

— Да иди ты... я того и гляди выверну от зевоты скулу, а он тут еще лезет.

— Давай поборемся. Ну что тебе стоит. Будь доволен тем, что выиграл у меня два с половиной талера, и дай в отместку разок тебя на пол кинуть.

— Тебе что, скучно? А ты не играй, это я тебя обучаю, а то ты вовек не попадешь домой.

— Так скучно же.

— А скучно, так займись насущными вопросами. Вот Обахта что-то долго не было — над этим и думай.

— А и в самом деле долго не было, — забеспокоился Франц. — Что это с ним. Давай от скуки посмотрим, целы ли наши кролики в клетках, а? Пойдем, камрад.

— Да пошел ты к черту, иди сам, если хочется.

— А что ты думаешь, и пойду.

Франц пошел осматривать камеры, и когда открыл глазок четвертой, то вдруг растерялся и позвал сдавленным голосом:

— Михель, иди-ка сюда. Тут такое...

По тону второй часовой понял, что случилось нечто необычное, и, с неохотой поднявшись с насиженного места, подошел к товарищу.

— Ну, что там у тебя?

— Нет, нет — ты только посмотри.

Картина, которая им открылась, была не потрясающей, но во всяком случае необычной: на полу мигал каганец и невдалеке от него на камне пола виднелась лужа крови. Сам заключенный лежал на соломе, укрывшись тряпьем. Франц решительно открыл дверь, и их изумило, что она не заперта.

— Куда ты?

— Я войду.

— Не смей. Мы не имеем права. Подождем Обахта.

— Брось. Надо войти. Он, очевидно, мертвый.

Франц метнулся в камеру и сдернул тряпье с лежащего. Им представилось оскаленное лицо Обахта с черным сгустком крови на голове. Франц успел только сказать: «Поднимай тревогу! — и бросился в коридор с криком: — Караульные, сюда! Побег!»

Через десять минут, когда на их зов сбегались и прибыл из башни св. Фомы сам Патш, оба часовых, запинаясь и сбиваясь, рассказали обо всем случившемся. Патш вызверился и завопил, тыкая кулаком в воздух:

— Как же вы, стервы, пропустили его!

Франц ответил ему, опуская глаза:

— Он шел медленно в своем плаще, всякий бы его узнал. Мы думали, что Обахт пошел к вам.

— Да вы понимаете, что вы сделали, недоноски?

Франц понял, что грозит опасность быть преданным суду, и ответил покорно:

— Он махнул нам жестом Обахта, он шел его походкой, он... даже... сказал нам его голосом, ты помнишь, Михель, он сказал нам, что идет к вам. Мы не видели только его лица. Это колдовство.

— Рассказывай, — напустился Патш. — Ну, если это не так... Ну-ка, Михель, правда то, что он сказал?

— Правда, — ответил подавленно Михель, он совсем потерял мужество, но решил лгать как можно изворотливее.

— Хорошо, — несколько смягчился Патш, — теперь надо гнаться за ним. И смотрите, если он уйдет — я сдеру с вас шкуру. За мной!

Идти за Патшем было вовсе не трудно из-за его хромоты, и они двинулись вперед.

Сторож у Жабьей Норы рассказал им все, что знал. Да, Обахт действительно проходил, он окликнул его, тот ответил... да, ответил что-то... вроде «погоди» (сторож сразу унюхал, куда дует ветер, и как истинная лиса решил тоже лгать до последней возможности). Тогда Патш, которому нога затрудняла движение, послал в башню св. Фомы к Церберу (его так называли все, будто у него не было собственного имени) с вопросом: не проходил ли там Обахт. Ответ последовал: нет, не проходил. Отрицали и другие караульные.

— Как в воду канул, — вздохнул Михель.

— Да, — прибавил Франц, — одного я не понимаю — как он, больной и битый, мог одолеть такого льва, как наш Обахт.

— Замолчите! — заорал Патш, начинавший догадываться о том, что произошло в камере, и клявший себя за то, что не послушался намека чиновника управления охраны порядка, — надо искать. Он не мог никуда деться. Проверьте по дороге все закоулки.

Замелькали факелы, на поиски Косы был поднят весь гарнизон цитадели, в каждом коридоре было оставлено только по одному часовому. Машина, поднятая тревогой, была пущен в ход.

* * *

Окостеневший, измученный человек вдруг очнулся на камне и увидел, что по стенам мелькают огни факелов и слышатся тревожные крики. Потом где-то вблизи ударила пушка.

«Тревога, меня ищут, — подумал он. — Ах, смерть-смертушка». И ему представились лица тюремщиков, допрос, вонючая и грязная камера — представились с такой яркостью, что он сразу встрепенулся.

«Нет, нет, все что угодно, только не это. Уж лучше разбиться, уж лучше со стены вниз головой, чем попасться опять им в руки». Лихорадочно обвязал он вокруг камня веревку (откуда силы взялись) и начал скользить по ней. Скольжение становилось все быстрее, — вот и конец веревки. Он повис и ощупал ногами стену. На ней был выступ, где можно было стать. Стоять, опять стоять. Нет, все что угодно. Он помедлил минуту и потом, одержимый бешеной жаждой свободы, такой жаждой, когда уже все равно — жить или умереть, бросился с высоты вниз.

Он упал сравнительно удачно, до земли было не так уж далеко, как он думал, к тому же заросшее болото смягчило падение. Он провалился, вылез, пополз вперед с бесстрашием пьяного. Тонкое чутье, знание болота (он был учителем в Жинском Краю — там, где он граничил с Болотной Боровиной), а также неустрасимость и быстрота помогли ему добраться до более сухого места. Тут он не выдержал и побежал, низко сгибаясь. Три раза проваливался он и, когда добежал до камышей, то был похож на животное от грязи, которая на нем налипла. Уже почти у самых камышей он увидел, как от башни Фомы оторвалась с надрывным шипением ракета и осветила болото, по которому он только что бежал. Коса бессознательно высунул язык и показал его крепости, а потом, одумавшись, бросился бежать в камыши.

* * *

Патш догадался, что беглец бежал по карнизу, но ужасался даже мысли об этом.

Когда ему сказал то же самое Франц, — он сначала выругался, но потом сказал задумчиво:

— Чтобы тут пробежать, надо обладать силой и ловкостью кошки.

Корнет сказал, что жажда спасения и на полумертвого оказывает влияние и прибавляет ему силы.

— Или отнимает их, — сказал Патш. В глубине души он был уверен, что беглец свалился или в месте, где карниз обрывался (таких мест он насчитал два, но мы уже знаем, что Коса миновал первое легко), или же упал с моста. Он не верил, что человек может обладать такой выдержкой, чтобы карабкаться по всей стене и не попытаться спрыгнуть. Сначала он подумал, что надо обследовать три места, но потом вспомнил вопль сумасшедшего ночью и, не надеясь на успех, послал солдат и к башне святого Фомы. Остальным он велел искать у стен искалеченного или мертвого. Прошло полчаса, беглеца не нашли нигде, и только когда пустили ракету, один из зорких горцев-надсмотрщиков из Тироля увидел веревку и крикнул, указывая пальцем:

— Смотрите, он спускался здесь!

Тогда все понявший Патш приказал бить тревогу, брать собак и гнаться за Косой по горячим следам.

* * *

Косе было в это время трудно. Он растянул сухожилия, когда падал со стены, и нога теперь очень болела. С рукой было еще хуже. Болели ожоги на теле, а в камышах бежать было хотя и незаметно, но труднее. Берега скоро начали понижаться, вода начала булькать под ногами, вырываясь из-под ковра трав, тростник и камыш шелестели, он поминутно наталкивался на хрустевшие под ним гнилые ветки, черт знает откуда сюда попавшие. Они ломались, и он валился вниз головой в коричневую, как чай, воду. Коса двигался почти вплавь, а тут еще за спиной показались цепи факелов, слышались крики и лай собак. Они шли, взхлеб лая, как по следу за зайцем, но вот одна растерянно твякнула, потеряв след его в воде. Из последних сил выбрался Коса на чистую воду. Он не надеялся на спасение. Черт возьми, на том берегу, на подъемном мосту — народ, охрана и под ним омут, вверх по течению плыть нельзя — оно здесь стремительное. Оставалось положиться на авось и плыть к мосту, надеясь, что попадешь на свободное от омутов место. Коса выбрался поближе к середине реки и поплыл, благословляя темноту. Течение было стремительным, и он плыл, почти не работая руками, плыл, спрятавшись до носа. Мост был опущен, и на нем были люди, но они, очевидно, не надеялись, что он может здесь появиться, и смотрели в сторону камышей, где все еще горели факелы и слышался залиvistый лай ищек.

Громада моста надвигалась стремительно, закрывая небо. Коса уже думал, что проскочил, как по ногам что-то ударило и его потянуло вниз.

Он рос на реке и помнил чей-то совет, что если уж ты попал в омут, то не надо сопротивляться, человек выбивается из сил, а так его может еще и выбросить ниже по течению. Правда, никто этого не пробовал на его веку, но так говорили старики. Он решил сделать именно так и, набрав воздуха и сложив руки, покорно отдался водовороту. Он не помнил, как долго шел книзу. Его швыряло, вертело, у него звенело в ушах, зеленые круги шли

перед глазами. Потом, когда ему уже не хватало воздуха и он готов был задохнуться, — потащило куда-то в сторону, как ему казалось, в глубину, и потом, потом... Он даже сам не поверил, когда его голова вырвалась на поверхность. Он был уже значительно ниже моста и мог считать себя в безопасности, но продолжал плыть с упорством, самого его удивившим. Вдалеке по-прежнему надрывно бухала пушка.

Восьмая глава

Сырой туман стоял над землею, и лошади оскальзывались на мокрой земле. Ян понял, что они въехали в лес, потому что карету стало швырять из стороны в сторону. Он удивлялся, как кучер находил дорогу в этой серой мгле. Экипаж трясло, и Паличка подскакивал в воздухе. Марчинский, сжатый их боками, мирно дремал, не просыпаясь даже от изощренных ругательств Палички.

Но все имеет свой конец, кончилась и езда. Они въехали на небольшую поляну, уютно укрытую кустами и деревьями. Туман немного рассеялся, были видны ближайшие деревья, карета противника и несколько человек возле нее.

Ян с интересом осматривался, точно все это было ему совсем неизвестно. Двигались знакомые и будто незнакомые лица Палички, Штиппера, Гартмана. Ян как во сне замечал все это. Потом поднялся крик, Штиппер начал вопить, что он принес рапиры одинакового образца, что это мошенничество. Спокойный голос Палички отвечал ему, что рапира такая же, длина и крепость одни и те же, просто его хозяин набил на ней руку и поэтому не хочет, чтобы...

— Так вы же говорили, что он не умеет фехтовать.

— А вам что, было бы приятнее убить желторотого?

— Милый мой, так это же мы из человеколюбия. Зачем вашему протеже трястись от страха, пусть он лучше спокойно проспит ночь и укрепит нервы.

Штиппер молча проглотил пилюлю, но тут попала вожжа под хвост самому Гаю Рингенау.

— Боюсь, — сказал он, — чтобы вам не пришлось драться со мной после него.

— Боюсь, что мне не придется этого делать за неимением противника, — отрезал Паличка. — Ну, хватит, ищите место.

Ян смотрел с недоумением. «Зачем, зачем это сейчас, — думал он, — ведь здесь люди готовятся к смерти. Зачем так мелочно перед величайшим из таинств человека? И зачем эта пустота, эти остроты?»

Он перевел взгляд в другую сторону, где косо упиралось верхушкой в землю огромное сломанное дерево. «Вот это да, — подумал он, — оно жило и множило ветви, стало могучим и сильным, шумело, играло с молниями как с ровней и от равного противника, а погибло в грозу тоже гордо и спокойно, и смерть его, наверное, потрясла весь лес». Он не мог оторвать от дерева глаз. Оно упало, видимо, недавно, комель с торчащими щепками был свежим и листья не успели завянуть. Оно было величественно. Когда же оно упало? «А, наверное, во время вчерашней грозы. Быть может, я переживу его только на день и ночь и на вот это серое утро. Ну что ж, пусть так». Ему было странно, что он не боится смерти, чувствует себя отрешенно и смотрит чужими глазами, как со стороны, на свое тело. Он согнул палец и с любопытством посмотрел на него. Нет, это пока его тело, он легко может им двигать. Потом мысли перешли на другое, и он вдруг повторил: «Я, я-а, что такое я? Почему не было времени подумать об этом. Я-а. Бакалавр Ян Вар... ах, нет, нет,

должно быть, что-то гораздо глубже. Всё это скорлупа, а вот кто такой Ян Вар, почему Ян Ва-ар, смотрящий со стороны на самого себя. Нет, это не то. Я — это что-то очень глубокое. Я-а», — повторил он погромче.

Лошадь посмотрела на его искоса с видимым удивлением большими влажными, как каштаны, глазами, и Ян сам рассмеялся над своими мыслями.

— Ах, да не все ли равно. Я человек — вот что, а вовсе не бакалавр, и должен, по сути дела, бегать по лесу и ковырять землю. А эти оболочки — все ложь, все ерунда. И стыдно их носить, и стыдно лгать. Я просто человек, и душа у меня человеческая. А все это — и дуэль, и бал, и Нерва, и тюрьма — гадость. Почему они есть? Стыдно лгать. Все это ерунда. Ах, вот это прелесть, — и он перевел глаза на дерево. Огромный комель с острыми щепами торчал высоко в воздухе, туман расходился волнами, проглянуло солнце и зажгло внутри каждого куста целую иллюминацию, целую гамму капелек. — Вот щепки на комле и на отломанной части совпадают, — подумал Ян, — а снова соединить их нельзя. Так и я, где-то совпадают выступы и впадины жизни и смерти, а не соединишь. Смерть. Что такое смерть? Ах, все ерунда. А вот это прелесть, эта жизнь и эта смерть несколько не уродливые.

А дерево менялось на глазах. Деревья стряхивали на него дождевые капли, будто плакали, зажглось множество капелек-солнц, и уже заливались, пели, голосисто чирикали в листве какие-то глупые и восторженные пичуги. Заливались, пели самозабвенно, ничего не зная ни о жизни, ни о смерти... Яну вспомнилось:

В сереньком свете мокрые листья
Пение птичье струят.

И он снова засмеялся. Лошадь сердито тряхнула головой и перестала смотреть в сторону глупого пустосмешки.

«Нет, все ерунда, — подумал Ян, — хорошо жить на свете и хорошо умереть, если смерть хорошая (он не хотел сознаться, что лжет сам себе, будто смерть на дуэли почетна и хороша, на самом деле считал, что наоборот, что дуэль — вещь пустая и ненужная). Зачем убивать друг друга, если не чувствуешь вражды к врагу. Вот дерево — это да. Это красиво. Нет, я человек, и душа во мне человечья... и — не надо лгать». Он с удовольствием повторял эти полюбившиеся ему слова и уже готов был объявить, что отказывается от дуэли, но тут Паличка потянул его за рукав и сказал: «Пора!»

Ян послушно стал на свое место и вытянул руку с рапирой вперед.

«Зачем мне убивать его, если я не чувствую к нему ненависти, — подумал Ян. — Мне даже жалко его. Он не видит, не понимает того, что вижу я. Вот дерево. Вот лошадь. Они все у-умные, они живут, они чувствуют себя звеньями всего сущего. Если убить хоть кого-нибудь — рассыплется цепь. А он не видит этого. Почему он ниже всех? Нельзя убить. Все живет и все хочет дышать. Убить можно только паразита, который присосался к какому-то звену цепи и сосет из него соки. Это да. А этому надо разъяснить. Ведь они все дышат... И цепь может рассыпаться».

— Эй, Ян! — крикнул Паличка. — Ты заснул, что ли? Сейчас начинаем.

У Яна оборвалась нить мыслей, и он вытянул руку опять вперед, недоумевая, почему он должен убить того, кого не хочет убивать. Ах, да, иначе тебя убьют. Ну что ж, игра стоит свеч. Каждый хочет дышать. Но только как же это рассчитать, куда ткнуть этой проклятой рапирой. «Ну и ну, — удивился он. — Вот взять и ткнуть. Ну ладно, будем защищаться. Однако что ж это они так долго не начинают?»

Как раз в это время Штиппер хлопнул в ладоши, и Ян не успел опомниться, как Рингенау налетел на него. Рапира блеснула в воздухе, Ян отступил ско-

рее машинально, чем рассудочно, и Рингенау пролетел мимо него. Он увидел встревоженное лицо Палички и подмигнул ему. Рингенау опять налетел, все ахнули, злобной яростью сверкнуло лицо Гая, рапира скользнула по чашечке рапиры Яна и оцарапала ему руку у локтя.

— Что вы делаете? — в ужасе крикнул Паличка.

Но теперь Ян знал, что делать. Он уже не думал о грехе убивать живое. Он видел только скотское лицо Рингенау, понимал, что тот рад бы убить его, несмотря на его светлые мысли, видел его оскаленный рот и понял, что это — паразит, что он рад сосать соки из живущего. В ту же минуту он упал на колени и сделал поистине кошачий по ловкости выпад в живот Рингенау, тот едва уберется и тотчас направил удар в лицо Яну, который едва успел отвести его левой рукой в кожаной перчатке, неизвестно откуда взявшейся на руке (он не помнил, во всяком случае, когда ее надевал). Это было сделано чертовски ловко, и Паличка даже крикнул: «Браво!»

Рингенау налетал яростно, Ян оборонялся стойко, хотя и неумело, делая опасные выпады. Несмотря на это, Гай успел зацепить ляжку. Тогда Ян взбесился, кровь ударила ему в голову, и он сам перешел к нападению. Некоторое время слышен был только лязг оружия. Все застыли, Марчинский заткнул пальцами уши.

Левша очень опасен в схватке. Он бьет вовсе не оттуда, откуда ждут удара, и только большое самообладание и искусство могут его обезвредить. Но не менее опасен и полный невежда в фехтовании. Он держит рапиру, как палку, он не знает приемов, но защищается и нападает хорошо, если силен и ловок. Ян был именно таков. Человек всегда склонен к механической работе. Когда работа (в том числе и фехтование) превращается в затверженный процесс — он очень туго воспринимает малейшие изменения в ее ходе. Положите какой-либо инструмент на другое место, заставьте его изменить ход работы, и он с трудом будет к нему приспосабливаться, чтобы снова механизировать память, привыкнув к новым особенностям... Так было и тут. Один дрался как ремесленник, твердо и заученно отбивая знакомые удары и пугаясь и теряясь от незнакомых, другой дрался как художник, всякий раз измышляя новый прием и требуя на него нового способа обороны. Вскоре Гай понял, что затверженные приемы атаки и обороны ничего ему не дают, и стал все больше отступать от них. Поединок превратился в сражение двух невежд. На этом пути должен был пасть тот, у кого оказалась бы слабая в придумывании голова. Гай, сбившись с приемов, начал драться нелепо. Он судорожно цеплялся за старые, всем известные приемы, а они были неэффективны. В этом бою все преимущества имел Ян. Художник должен был побить ремесленника, но практика — великое дело, и Яну было трудно, очень трудно.

Лязг оружия продолжался, они бились с остервенением. Ян прыгал как одержимый, бил, отражал удары, снова бил. Гай терялся и недоумевал, начиная терять присутствие духа. Ян отступил от ловкого удара, но под ногу ему попался оголенный, скользкий кусок земли, он поскользнулся и упал. Рингенау налетел на него как буря.

«А-а...» — вздохнул Паличка и закрыл лицо руками. Когда он отнял руки — ничего как будто не случилось. Очевидно, Ян метнулся в сторону и опять встал на ноги. Опять послышался сухой треск оружия. Они кинулись друг на друга еще яростнее.

Но бой должен был скоро закончиться. Обе стороны устали и все чаще совершали промахи. Штиппер и Гартман с удовлетворением любовались схваткой, они не сомневались в ее исходе. У Яна было уже две царапины, у Гая пока ни одной, если не считать дыру в рейтузах, сбоку от поясницы. Про-

тивники тяжело дышали, но Ян все так же делал опасные выпады, и так же неуклюже отбивал их Рингенау.

Ян видел его искаженное от злости лицо, но не боялся. Вот выпад, вот Рингенау отбил его выпад, ударил по чашечке рапиры и от ушиба онемела рука. Рингенау отбросил его рапиру в сторону, отступил на шаг и ринулся на Яна, направив острие в сердце. Ян увернулся, и когда Гай был совсем близко, заметив место, не защищенное перчаткой, смело ринулся вперед, упал на колени и воткнул рапиру в грудь Рингенау. Тот попытался достать его, но Ян нажал сильнее, что-то хрустнуло, и Рингенау повалился навзничь.

Рапира выпала у него из раны, и сразу хлынула кровь, расплываясь пятнами по щегольской куртке со шнурами, чуть пониже правого эпюлета. К нему подбежали, начали раздевать, а Ян смотрел на него с раздутыми ноздрями и искривленным ртом. Потом он поднял рапиру и отошел к своей карете, глядя, как Паличка, Гартман и Штиппер возились возле тела.

Наконец Штиппер сказал:

— Он не убит, но рана опасна. Очевидно, задето правое легкое. Сволочи.

Паличка галантно изогнулся и ответил Штипперу комплиментом на комплимент:

— Да, да, я согласен с вашим мнением. Мы, славяне, конечно, зря вяжемся с вами, раз вы сами себя так рекомендуете. Прощайте.

— Черт бы вас побрал! — рывкнул Штиппер.

— Я уже говорил вам, что мне не придется драться за неимением противника. Но может быть, вы согласитесь его в этом деле замещать?

Штиппер и Гартман молчали. Тогда Паличка весело бросил им: «Адью!» и быстро пошел к карете. Но на ходу он не удержался и сказал, обернувшись:

— Я вам не буду помогать. Авось вы сами справитесь со своей убоиной. Лето. Боюсь, что окорока скоро завоняют.

Он с хохотом ввалился в карету вслед за Яном и завопил: «Гони!» Кучер погнал, и скоро карета Штиппера скрылась из глаз. Они выехали на большую дорогу и поскакали быстрее. Ян чувствовал себя легко. Только теперь он понял, какой опасности ему удалось избежать. Его чувство могут понять все, кому приходилось мальчишкой драться и с успехом выйти из неприятного положения. И жаль врага, которому разбил нос, а все же хорошо, и нервы как-то по-особому отдыхают. А карета мчалась.

Они проехали уже довольно много, когда Паличка сказал:

— А жаль, что вы его не укокошили. Придется, видно, кончать кому-то другому, и я боюсь, уж не мне ли.

— Зачем вам?

— Да вот, развязал язык. И всегда так бывает. Паличка бретер, Паличка дуэлянт, а Паличка самый безобидный человек, да только его к дуэлям вынуждают.

— А вы его оставьте на меня, — сказал загордившийся Ян.

— Но, но, наша детка попробовала и не отстанет до второго младенчества. Это опасная вещь, нечего вам на нее нарываться. Вот что. А недобитую скотину кто-нибудь добьет. Ну, а вам придется все же бежать из города.

— Зачем? Разве мы не дрались честно?

— Так-то оно так, а все же вы славянин, а он — потомок песьеголовца. Вот в чем дело.

— Какая подлость.

— Хватит возмущаться. Это в порядке вещей. Вон и Марчинский не возмущается, хотя ему и скучно, и выпить давно пора.

— Хотите ко мне?

— Нет, ему лучше в кабак. Такая у него натура поэтическая. Кстати, вам есть куда ехать?

— Да, есть лесник в Боровине, есть дядя Петр в Жинском краю. Только...

— Вы езжайте сначала в Боровину, а оттуда вас никакой черт не выковыряет. Потом, когда уляжется — к дяде. Месяца полтора — и все.

— Но я не поеду.

— Не смей! — рявкнул Паличка. — Попробуйте только. Слышите, все еще палит Золан. Хотите туда сесть? Нет, вы как хотите, а я из вас эту дурь выбью. Вы — поедете. И чем скорее, тем лучше. А вот и ваш дом.

Марчинский встрепнулся, подал Яну руку и стал говорить о том, какой он честный малый и как глупо ему погибать: «Ведь вы понять должны, что эти собаки вас убьют. Вам жить надо. Я чуть-чуть старше вас, но я пьяница, я никуда не годный человек, а вас я прошу уезжать поскорее. Я не вижу пути, оттого и пью, а вы его найдете».

Поблагодарив его и Паличку и все же твердо решив не ехать, Ян стал вылезать из кареты.

— Подождите-ка, — сказал Паличка. — Вот возьмите-ка мой адресок на всякий случай — как говорил всем мой знакомый, врач по венерическим болезням.

И, засмеявшись, Паличка захлопнул дверцу кареты. В следующий миг карета покатила по улице и исчезла за поворотом.

Ян спрятал адрес в карман. Потом медленно пошел по тропинке к дому.

«Нет, он не убежит. Зачем ему бежать, разве он преступник? Зачем это нужно? Ведь есть же в мире справедливость!»

Когда он ступил на порог, Анжелика встретила его с тревогой, но увидев, что идет один, успокоилась и подала ему два письма. Одно было от Нисы, другое написано неизвестной рукой.

Ян прошел в комнату, попросил поесть у Анжелики, и когда она принесла ему завтрак, сел за стол с письмами в руке. Сначала от Нисы. Он распечатал розовый конверт и вытащил листок сероватой, очень гладкой и блестящей бумаги. Листок пахнул чем-то незнакомым и волнующе сладким. У Яна шевельнулось сердце каким-то странным чувством, даже не любовью, а невероятным чувством близости, ласковым до слез. Он помедлил немного и развернул листок. Глаза его побежали по черным, детским строчкам. Ниса писала: «Дорогой мой, любимый. Я теперь уже не стесняюсь называть тебя так. Ты мой, понял, ты мой навсегда. Я молилась Мадонне, ты не можешь быть убит или ранен. Но я прошу тебя уехать на время из города. Это необходимо. Вчера я спросила у отца, что может случиться, если ты убьешь Рингенау на дуэли. Он ответил, он очень жестоко ответил, я не могу сказать тебе этого. Он говорит, что тебе как славянину грозит в случае благоприятного для тебя исхода тюрьма и ссылка, если ты не догадаешься бежать, пока это дело не уляжется. Я сделаю все для тебя, мой любимый, но теперь беги, беги без оглядки, пока они не схватили тебя. Слышишь, я прошу, я требую, чтобы ты бежал. Не отвечай мне, отец очень зол, что ты поднял руку на отпрыска знатного рода. Любимый, беги. Я не хочу, чтобы ты умер или вернулся ко мне стариком. Я люблю тебя, я хочу тебя. Ты умный, добрый, ты послушный мальчик. Беги».

Подписи под письмом не было. Ян задумался. Он встал и начал пить вино прямо из графина. Ему было больно уходить, очень больно, он любил ее. Полупьяный от волнения, не от вина, нет — он прижался лицом к ее письму на столе и начал шептать какие-то ласковые слова. Потом приподнялся, твердо сжал губы и сказал: «Милая, я уйду, но мне мне оч-чень, о-о-ч-чень тяжело. Что же делать, я уйду, раз ты меня просишь, я уйду, хорошо. Ниса, Нисочка, что же мне теперь без тебя делать?»

Он распечатал второе письмо, тоже без подписи, по нему бежали короткие кривые строчки, загибающиеся в конце вниз.

«Вы меня не знаете, да и не нужно знать. Я студент нашего университета. Теперь вы, конечно, уже не можете помочь, вам нужно самому бежать, как я знаю, но помогите ему хоть продуктами. Дело вот в чем. Вашего друга Багу вчера арестовали за дебош на улице (он искалечил одного филера и избил другого), а на самом деле за то, что оказал помощь вдове мятежника, у которой умер ребенок. Она улизнала из их лап, и они закатали Вольдемару полтора месяца тюрьмы».

Ян встал и, как мертвый, упал на кровать. Что же это? Багу-то за что, за что его, простого, милого, доброго человека. Что же это за страна, что же это за угнетение. Боже, боже. К черту. Что же Бог, за чем же он смотрит? Сволочи, идиоты. Пусть его гонят, пусть, но Багу за что? Бага, Бага! Нет, в такой стране все может случиться. Могут и его схватить, хватит у них наглости и на это. Тут говорят о свободе личности. Нет ее, нет, нет и нет. Нет, бежать отсюда, пока цел. Взяли Багу, могут и его. Ни за что! Эх, люди, люди — свиньи. А Бага, милый Бага в тюрьме, Бага, такой веселый, такой честный, сидит за решеткой.

Ян схватил письмо и бросился на теткин полонину.

— Тетя, я уезжаю! — Она в тревоге поднялась с кресла. У нее удивленно открылись глаза:

— Куда? Зачем?

— Еду. Куда — не знаю. Вы помните, я уже давно говорил вам о намерении проехать по стране.

— Ян, мальчик мой. Я вижу — тут что-то не так. Но что же это, что? Скажи, не лги.

Ян низко опустил голову. Она продолжала:

— Ян, я требую от тебя честного признания. Тебе что-то грозит?

— Да, тетя, — с трудом ответил Ян, — дело в том, что я убил... нет, не убил, а смертельно ранил на дуэли сегодня утром Гая фон Рингенау.

Тетка вскрикнула и без сил опустилась в кресло. Она ловила ртом воздух. Ян кинулся к ней на помощь. Но она справилась с собой и ответила:

— Не надо. Но почему это? Ведь ты был всегда тихим, миролюбивым мальчиком.

— Да, я миролюбивый, — упрямо наклонив голову, ответил Ян, — но сейчас я не жалею, что я ранил его, а жалею, что не убил. Этим сволочам вольно смеяться над человеком, над его национальностью, задирают на балу, когда ты мирно танцуешь со своей любимой девушкой. Они считают, что им все дозволено. Они заразили чахоткой Шуберта, взяли в тюрьму Багу, хотели убить меня — эти солдафоны. И жаль, жаль, тысячу раз жаль, что не убил этого бурбона. Чему же вы меня учили, тетя? Ведь не все благополучно в мире, теперь с меня как маску сняли. За два дня я увидел много несправедливого, так много! Почему вы скрывали это от меня? У нас много плохих людей, верно?

— Да, мой мальчик, — сказала тетка, — много. Много, но не все. И много хороших и среди нас, и среди них. Но ты скорей уходи, не задерживайся.

— Тетя, — прервал ее Ян, — вот письмо. Окажите помощь Баге.

— Баге, зачем Баге? Это твоему другу?

— Да. Они запрятали его в тюрьму, держат за решеткой, его, вы понимаете... его. Вот письмо.

— Боже, боже мой, какой ужас! Мадонна, помоги ему и нам. Да, да, я буду ему помогать. А ты беги и собирайся, возьми у соседей Струнку. Они ее хотели продать, я заплачу за нее. Она выносливая и красивая кобылка. Анжелика!

Анжелика! Собери ему вещи, все что нужно на месяц-полтора. Денег, денег побольше. И скорее. И ты, Ян, собери в маленький чемоданчик все. Боже, боже, и Багу, и его. Дети, дети, что с вами творится.

Когда Ян выходил, Анжелика поймала его за рукав и спросила, в чем дело. Ян наклонился и, взяв ее старые сухие руки, прижался к ее лицу, милому, знакомому до последней морщинки.

— Бабуся моя. Ничего особого. Я должен скрыться. Я ранил на дуэли аристократа. Теперь он уже, должно быть, умер.

Анжелика ахнула и засуетилась по дому.

А Ян вошел в комнату и присел, будто прощаясь. Все, все знакомо. Отцвело его детство в ней, и вот он должен уехать. Он решительно схватил чемодан, запахнул в него почти законченную работу, несколько книг, подумал и сунул туда же томик Альбрехта Бэра, взял еще кое-что из родных, ненужных, но близких вещей, закрыл чемодан и опять сел, задумался. Ему было о чем подумать, и когда он встал — Струнка, уже навьюченная, перебирала копытами во дворе и, застоявшись, рвала узду с перекладки коновязи. Он вышел с чемоданчиком из дому. Оглядел со вздохом фасад с белыми колоннами, цветущий куст сирени, под которым он с таким волнением стоял вчера утром, и пошел к Струнке, где уже ждали его тетка и Анжелика. Ян поцеловал обеих, вскочил на коня, но потом раздумал и снова слез. Он гладил тетку по голове, целовал Анжелику в старые морщинистые, мягкие щеки. Он видел, что обе с трудом удерживаются от слез, и ему стало до боли грустно покидать тетку. Старая, больная, вечно курящая, добрая, несмотря на сухость. Об Анжелике и говорить не приходилось. Ее руки заменяли ему руки матери, он часто целовал их, эти рабочие руки, когда был ребенком. И Яну стало страшно больно, и в то же время злоба пронзила его сердце, злоба на тех, из-за кого он должен бежать отсюда. Они все могли сделать, он теперь верил в это, раз они взяли Багу. Ян поцеловал тетку и Анжелику еще раз и вскочил в седло. Отъехав немного, он обернулся. Они обе стояли и плакали у забора. Тогда он погрозил им пальцем и сам вытер глаза. Тетка грустно улыбнулась, а Анжелика заплакала еще пуще. Застоявшаяся Струнка рванула вперед, торопливо прядая ушами. А Ян то и дело оглядывался и долго видел фигурку Анжелики и высокую черную фигуру тетки, одиноко стоявшие на опустевшей улице и махавшие ему вслед рукой. Но вот они мелькнули в последний раз и скрылись.

Ян упрямо сжал губы, вцепился в повод крепче и взглянул с задором на окружающий мир. Вот поплыла перед глазами его улица, вот и она исчезла, проплыли домишки предместья, конь свернул на дорогу влево и теперь шел над обрывом, под которым внизу виднелся его дом, покинутый теперь надолго. Он всмотрелся: у крыльца толпилась кавалькада, и кто-то, должно быть, Анжелика, стояла перед ними у забора. Вскоре всадники, поворотив, поскакали к центру. Ян еще раз осмотрел свой город. У слияния двух рек увидел развалины старого замка, дворец Нервы на холме, Золан, темнеющий вдалеке. Прощай, город, прощай. Нежный юноша, которому несколько веков, одетый в венки из садов цветущих. Прощай. Ян уселся удобнее и пустил Струнку быстрой рысью. Перед ним лежали поля, загородные виллы, потом кончились и они, начались поля и рощи, густые леса и огромные луга с изумрудной травой. Мир летел ему навстречу, голоса жаворонков пронизывали воздух, будто играл кто-то на невидимой арфе. Мир был обширен и красив.

Но Ян вдруг вспомнил о доме, городе, о несправедливости, и этот мир вдруг расплылся в его глазах и стал радужным, хотя на душе было совсем темно.

* * *

А в это время тетка плакала в своей одинокой комнате скупыми слезами. Вошла Анжелика и сказала мягко:

— Я отправила их. Сказала, что он не возвращался с раннего утра, и удивилась, когда узнала, что была дуэль, а Рингенау убит.

— Убит? — поднялась тетка. — Это значит, что нашему мальчику долго нельзя будет возвратиться в город.

— Нет, он не убит, но лежит при смерти и вряд ли доживет до завтрашнего утра.

— Плохо, плохо, очень плохо, — и тетка опять зарыдала.

Тогда Анжелика взяла ее за плечо и торжественно произнесла:

— Вот видите. Я всегда говорила, что из него не получится добропорядочный мещанин.

— Я же хотела как лучше.

— Да, вы хотели, а он не послушал. Я тоже всегда желала нашему мальчику счастья, но теперь я горжусь им. Я боготворю его. Это в нем говорит его кровь. Я говорила вам, что она проснется. О, это великое... Человек с такой кровью не может быть плох и туп.

И Анжелика ушла из комнаты. А тетка упала в кресло и снова зарыдала. По временам эти рыдания прерывались нечленораздельными звуками, всхлипываниями. Когда лучи солнца ушли с кресла — тетка все еще рыдала, и сквозь рыдания прорывались горькие слова:

«Мальчик, мальчик. Он не стерпел, он пошел своим путем».

Девятая глава

Мир был прекрасен. За Свайнвессеном пошли холмистые долины, белые хатки купались в зелени садов, хмель обвил их стены и гордо вздымались за плетеными заборами цветущие столбы мальв. На холмах возвышались богатые и красивые дворцы с зеркальными стеклами и белыми колоннами. Они стояли на солнечной стороне холмов, а выше, на самой макушке при каждом таком дворце стоял, неизвестно для чего, мрачный, как воронье гнездо, замок. Жестокие и холодные стены омрачали яркий пейзаж. Тихие речки в сонных берегах, вербы над ними, поля, обсаженные пирамидальными тополями: все было хорошо и по-новому прекрасно. Ян не бывал за городом, лишь на пикниках в пригородных лесах, и теперь природа казалась ему гораздо более прекрасной, чем была на самом деле. Он с интересом смотрел на мельницы, лениво машущие крыльями, на сонные колеблющиеся дали, на цветущие парки у поместий и чувствовал себя почти счастливым.

Удивляло его одно: отсутствие людей. Край казался вымершим. Несколько раз видел он вдалеке то фигуру с тляпкой на плече, то фигуру пастуха в островерхой шапке с посохом в руках, а один раз увидел целую группу людей, согнувшихся на какой-то полевой работе. Они даже не взглянули на него, и только один, стоящий до того, проводил взглядом.

Струнка бежала быстро, и он не успел оглянуться, как отмахал от города верст пятнадцать. Пора было делать остановку, чтобы покормить животное и напиться самому, но по дороге не было ни одной корчмы или хотя бы ручья в тени, где можно было бы остановиться. Дорога уже не казалась Яну такой приятной. Около двух часов пополудни в стороне показалась небольшая купа деревьев, и Ян свернул с дороги, надеясь отыскать там источник. Чуть подаль-

ше темнел небольшой лес, но у Яна уже просто не было силы туда добраться. Но тут он наткнулся на странную картину. Около деревьев стояли несколько человек. Баба с ребенком, засунувшим палец в рот, около нее еще двое с полными мешками у ног. Ближе к Яну стояла беременная женщина с пятнами на лице и мужчина с впалой грудью. У них тоже были мешки, но мешок женщины, очевидно, упал, и из него высыпалась на землю половина зерна.

Перед ними метался, потрясая кулаками, низенький человечек с желтым лицом, одетый в черное. Его необычайно тонкие ножки, казалось, с трудом держали огромный живот. Ян подъехал и остановился поближе. Мужик, умоляюще протянув руки, сказал:

— Пане управляющий. Задержка нечаянная. Разве мы виноваты? Женщина голодная, томная, зачем же отнимать плату денежную. Смилуйтесь, ради бога.

Управляющий pokrивил губы и ответил:

— Чтобы какая-то сука ленилась, когда приказывают... Пусть поднимет и несет!

— Да не может она. Пусть она, пане, посидит. А я потом вернусь и принесу.

— А твой мешок кто понесет? Может, я? И не рассуждай, смерд, а то живо заработаешь.

— Так ведь она ж брюхатая.

— Гм, мало ли кто брюхатый. Выходит, брюхатым можно не работать? Молчи, свинья, три дня будешь на этой работе!

— Пане...

— Что пане, свинья ты подлая!

— Нельзя так, пане, и заставлять таких работать нельзя, у ней же живот.

— Мало ли у кого живот.

— У пана несомненно живот другого происхождения, чем у нее. Ну так и радуйтесь этому. Это вы можете жир копить, а мы животом берем, — разозлился мужик.

— Молчи, быдло! Вольно вам плодить своих головастика. На эту прорву, к счастью, не дают хлеба. Ишь ты, сами с голодудохнут, а детей больше, чем у благородных.

Старая крестьянка в стороне с суровым и жестким лицом спокойно, но твердо процедила:

— Господь знает, что делает, когда поручает много своих душ бедным людям. Пусть даже кто и умрет, зато остальные вырастут людьми.

— Молчи, Пелагея.

— Я не боюсь, пан. Мое племя во всех лесах сидит. Оно из вас, пане, в случае чего... А я уж стара.

— Это мы еще посмотрим. Придется тебе поплатиться. А вы чего стоите? — напустился он на людей. — Неси, сука!

— Она не понесет, — спокойно ответил мужчина, — она не может.

— Ах, так, — завопил управляющий, — так вот же вам!

Он ударил мужчину по лицу, потом ударил и бабу, стараясь попасть в живот. Она охнула и села на землю.

В ту же минуту страшной силы удар плети со свинцовым наконечником пришелся ему по лопаткам, обвил плечи и ударил в живот. Он ойкнул, обернулся и увидел красивого парня, сидящего на вороной с подпалинами кобылке. Тот держал в руке здоровенную плеть.

— Ты чего людей бьешь? — разъяренно спросил парень.

— Холопов, — поправил управляющий, видя на парне богатый и красивый дорожный костюм. Парень еще раз вытянул его плетью. У управляющего

налились кровью глаза, он схватился за ружье, но не успел снять его с плеча. Парень быстрее молнии схватил ружье за ремень. Другою рукой он взял управляющего за грудь, поднял его, сорвал ружье и отбросил на несколько шагов. Управляющий не удержался на ногах и упал в пыль.

— Ты что же это людей бьешь? — повторил парень.

Управляющий понял, наконец, что попал не на пана, встал и начал визгливо кричать:

— Собака! Бандит! Тебя повесят!

— Но, но, — угрожающе сказал парень, его красивое лицо искривилось, губы сжались, а глаза округлились.

— Бандит!

— Ах, так! — и парень погнался за черной жирной фигуркой по пашне, вздымая пыль. Он догнал толстяка и начал пороть его плеткой по жирному заду. Тот вопил, плакал, а крестьяне стояли безмолвно, глядя на этого странного человека. Управляющий, все еще опасаясь, что парень опять нагонит его, и радуясь, что дешево отделался (бандиты обычно убивали в таких случаях), мелкой рысцой выбрался на бугор и только тогда завопил: «Караул!» — тонким визгливым голосом.

Ян подъехал к людям. Они стояли понурившись, не глядя на него. Когда Ян увидел их худые лица и лохмотья, ему стало стыдно за свою богатую одежду. Он наклонился к ним и спросил:

— Вы что ж молчите? Он дерется, бьет людей, а вы...

— Что ж делать, — ответила за всех Пелагея, — никто не хочет остаться без куска хлеба и умереть с голоду.

— А вы кто такие?

— Батраки мы, — угрюмо ответил мужчина и закашлялся.

— Так чего же он вас бьет?

— Мы приписные.

— А это еще что такое?

— Ну, крепостные, что ли.

— Что, что? Понимаешь, что ты сказал? Ведь крепостное право было предложено отменить десять лет назад.

— Предложено-то предложено, а мы как были крепостные, так и есть, только название другое.

— Да этого быть не может, — возмутился Ян.

— Пане, по-видимому, иностранец и не может знать всего. Что делать. Нас по-прежнему могут искалечить и убить. У нас ничего нет, и мы зависимы от них в каждом куске хлеба. Вот что. А вы говорите не может быть. Если б не моя грудь — я бы пошел в отряд к бандитам и показал бы им кузькину мать.

— Боже ты мой! Что ж это такое, — рука Яна лихорадочно шарила в кармане, но мужчина предупредил его.

— Спасибо, пане. Мы не возьмем у вас денег. Спасибо за то, что прочили этого прохвоста. Только... Пане, вы случайно не бандит?

— А почему вы так думаете?

— Эх, пан, — ответил со вздохом мужчина. — В наше время одни бандиты, дай им Бог здоровья, заступаются за честных людей. Остальные все против нас. Наши феодалы, наши дворяне дерут с нас три шкуры, наши попы дерут десятину, войска забирают остальное. А еще остается чинш, подати. Мы работаем пять дней в неделю на пана. И все против нас, одни фабричные с мануфактур с нами, но их мало. А те, кто строят заводы, тоже дерут с нас. А которые кончили школу, кому посчастливилось стать ученым паном, — тоже забыли, что учились они на наши медные деньги. (Яна как будто хлестали по

лицу, и он стал красен как рак.) Одни бандиты заступаются. А я думал, что вы бандит. Вы хорошо одеты, вы зовете нас на вы, вы не боитесь отхлестать плетью управляющего. Если бы...

— Что если бы...

— Если бы вы были бандитом, то оставили бы нам записку, чтобы он нас не трогал...

— А вы сами чего смотрите? Мне со стороны и то смотреть тошно, а каково вам?

— Эх, пан, будет и наше время. Когда-нибудь сквитаемся, — сказала холодно Пелагея. — Наш Франтишак только на язык горяч. Вот уж им мои хлопцы покажут, да и мы подможем в случае чего потрясти их как следует. А теперь, хоть вы и не бандит, оставили бы нам записку, а то он нас со свету сживет.

— Ладно, — сказал Ян, хотя сам сильно удивлялся, что попал в такую авантюру.

— Так вы напишите да тикайте, а то он приведет гайдуков с поля. И ружье не бросайте, а то он вас подстрелит.

— Хорошо. А вы чьи же такие?

— Графов Замойских.

— Что?

Ян не поверил своим ушам. Что такое? Эти ободренные люди были батраками отца его невесты. Что же это? Ему вспомнилась сияющая огнем зала, великолепный дворец, парк, разодетые в ливреи слуги. Это значит... значит... это значит, что эти деньги собраны с бедных людей. Ему вспомнилось нежное лицо Нисы. Неужели за белизну этого лица сжигали кожу на солнце вот эти женщины? Неужто ее белое платье снято с них? Прежде он не задумывался, откуда берутся деньги. Он привык думать, что деньги, которые ему доставались без грабежа таких вот несчастных, так же достаются и другим.

Ян едва не упал с седла и так побледнел, что мужчина участливо спросил, не принести ли ему воды.

— Нет, нет, — ответил Ян и выпрямился. — Спасибо. Мне уже лучше.

Перед его глазами встало светлое лицо Нисы. Она наивна, она чиста, как ребенок. Вернуться через месяц, взять ее, увезти из этого болота, где на каждом перстне мозг и кровь крепостных... да, крепостных. Это жутко. Что же делать, что делать? Увезти и честно существовать за собственные труды.

Пока Ян думал, на бугре показались четверо здоровых парней с плетями и дубинами в руках. Впереди бежал, хрипло выкрикивая ругательства, черный управляющий. Они быстро спускались с бугра. Ян легко ускакал бы от них, но мысль, что он не дал людям расписки, удержала его на месте. А те, уже примирившись с мыслью, что их «сживут со света», с тревогой смотрели на него.

Пелагея крикнула, наконец:

— Бегите скорее, пан! Они покалечат в драке и вас, и нас.

Тогда Ян понял, что надо делать, и двинулся им навстречу. Те, удивленные неожиданным поворотом дела, остановились и глядели издалека. А Ян, приложив руку ко рту, крикнул:

— Эй, вы там! Я вам говорю честно: если вы хоть пальцем тронете этих людей впредь, так будете иметь дело с нами. Каждому из вас, кто бы он ни был, обеспечен нож. Поняли, сволочи?

Гайдуки стояли смирно, и только управляющий, ругаясь, подталкивал их вперед. Наконец один туповатый парень с бычьей шеей послушался его и кинул в Яна свою тяжелую дубину. Умная Струнка отскочила, и дубина взрыла пыль на том месте, где она стояла.

Ян, изрядно разозленный таким оборотом дела, приложил к плечу тяжелое ружье управляющего и нажал на курок. Лязгнул камень, ружье бухнуло, и Ян от толчка едва не слетел с коня. Испуганная Струнка пустилась вскачь, миновала кучку мужиков и быстро зачастила по дороге. Когда Ян обернулся, то увидел, что гайдуки все еще стоят на месте, нерешительно глядя ему вслед. И только управляющего как будто сдуло на вершину холма. Ян ехал быстро, ругая сам себя за то, что ввязался в эту авантюру. Он нещадно подгонял Струнку и скоро въехал в лес, оставив далеко позади себя поле с мужиками. Ему казалось, что это было во сне. Все произошло слишком быстро. Как в калейдоскопе, сложилась диковинная фигура, и сразу стекла рассыпались. И главное, он сам не узнавал в этом поступке себя, обычно такого выдержанного. Это все дуэль. «А что, если бы я убил кого-нибудь из ружья? Два человека за день — это было бы ужасно. Да, это все дуэль».

А крестьяне, глядя на его удаляющийся силуэт и на гайдуков, которые так и не решились подойти и теперь взбирались на холм, чтобы возвращаться восвояси, тихо говорили между собой: — Нет, это, несомненно, бандит, хотя он и отрицает это, — сказал худой мужик. — Еще бы он стал признаваться. Их теперь вешают без суда и следствия. Но он все-таки бандит. Это ерунда, что он хорошо одет, — у них, у бандитов, одна радость — погулять да хорошо одеться, у бедных ребят. Но он все же бандит, он такой храбрый. Кто бы это еще смог так отхлестать нашего дракона по жирной заднице.

— И он благородный, — сказала беременная женщина, — не уехал, не бросил нас, пока не напугал этих скотов. Он молодец.

— Он совсем как мой старший сынок, — сияя, сказала Пелагея. — Такой умный, хороший и такой красивый.

А девушка, смертельно усталая, с черными тенями на лице, сказала тепло (Яну, наверное, икалось):

— Такого и я бы смогла полюбить, хотя мне кажется, что я от этой работы так и отцвету, не успев влюбиться. Такой стройный, и глаза голубые, как небо. И так ловко сидит на коне. Храбрец, отчаянный парень. И какой красивый: губы красные, лицо белое... — И со вздохом прибавила: — Как картинка.

* * *

Струнка уносила Яна все дальше от места давешней драки, и скоро ему уже нечего было опасаться погони. Один раз он повстречал на дороге крестьянина, одетого в грубый полотняный мешок, раздвоенный снизу. Он, видимо, спешил куда-то, но увидев Яна, свернул с дороги и спрятался в высокой ржи, видимо, опасаясь хорошо одетого человека, у которого за плечами болталось громоздкое ружье. Яну опять хотелось пить, лесок он проехал быстро, но родника не нашел нигде. Вот капличка у самой дороги — не найдется ли здесь воды?

Яна встретил здоровенный монах в рясе, перетянутой по огромному животу веревкой. Ян с удивлением посмотрел на ражую фигуру и рожу монаха из той породы физиономий, о которых говорят: «Не хотел бы я встретиться с таким парнем ночью на лесной дороге». Этот здоровяк поднес Яну воды в единственном сосуде каплицы для причастия. Яна это поразило, и он взглянул на монаха с удивлением. Монах взял чашу и так же без единого слова двинулся опять в часовню. Потом вдруг обернулся и сказал:

— Езжайте поосторожнее и зарядите ружье, если оно не заряжено. Там на дороге сейчас опасно. Говорят, из Золана сбежал бандит. Только что тут проехал наряд стражи, и сейчас где-нибудь в поле идет настоящая травля. Этого парня словят, прежде чем он доберется до лесов.

— Я его не боюсь, да и что он мне может сделать, — ответил Ян.

— Оно, конечно, вам бояться нечего, — бросил монах, осматривая вооруженного человека и внутренне удивляясь тому, что этот бандит так смело разъезжает по дороге, ни на кого не боясь нарваться. Ясно, что это не богач, раз едет без охраны, не боясь бандитов. Значит, сам бандит. И он добавил: — Ежели вас когда-нибудь подстрелят, обращайтесь ко мне. Спросите тогда капеллана Антония Силу. Я знаю травы и быстро поставлю вас на ноги.

Ян поблагодарил, не понимая, к чему клонит монах, и поехал дальше.

Дорога была не прямой, чувствовалось приближение лесов, она петляла между волчьих оврагов с отвесными стенами, между лесных островков. Людей здесь попадалось меньше. Ян отдохнул немного под одиноким деревом, перекусил и подкормил Струнку, хотя она и не выглядела усталой. Солнце клонилось к вечеру. Нужно было поскорее отправляться в путь, чтобы успеть проехать большой лес, черневший на горизонте, и попасть куда-нибудь на ночлег, пока не совсем стемнело.

Отдохнувшая Струнка бодро перебирала ногами, и Ян надеялся на скорый отдых в какой-нибудь корчме. Это было бы очень кстати. От почти бессонной ночи, от волнений нынешнего утра, от долгой и тряской дороги он почувствовал тяжелую, как свинец, усталость. Голова сама клонилась книзу как налитая чем-то тяжелым, слипались веки, и он сам не заметил, как задремал в седле. Струнка продолжала бежать ровной рысью. Порой Ян приподнимал голову, осматривался из-под тяжелых век и снова ронял ее на грудь. Сквозь сон он слышал какой-то хруст. Его размышления прервал выстрел, и ему в душу сразу пахнуло чем-то холодным и тревожным. Показалось было, что за ним гонятся. В памяти возникло оскаленное лицо Гая Рингенау, и он вздрогнул от того тупого страха, который сковывает сердце во сне. Выстрел повторился. Ян поднял голову и осмотрелся. Он почти подъехал к лесу, кругом никого не было видно. Ян осмотрелся еще раз. В это время на бугор слева взметнулся человек и опрорхнувшись кинулся в прошлогоднюю сухую коноплю. И еще на мгновение поднялась из конопли его голова и сразу нырнула вниз, как будто человека ударили чем-то по голове. Ян погнал лошадь быстрее, стараясь поскорее добраться до леса. Прошла минута, другая. На бугор выскочило с полдюжину всадников, один из них что-то крикнул, и трое всадников из отряда поскакали к лесу, а двое бросились в высокие заросли конопли. Ян осмотрелся: ясно, что человек был отрезан от леса, но куда они его направляют? Кругом было чистое поле, только в правой стороне дороги виднелся длинный овраг с белым от глины и песка дном и совершенно отвесными стенами. «Ага, ясно, — подумал Ян, — этого несчастного хотят загнать в овраг и там, как в мышеловке, накрыть. Бежать быстро, как всадники, он не сможет, выбраться — тоже. Овраг тянется далеко, и ясно, ему крышка». Ян сам находился в положении преследуемого, хотя за ним и не гнались по пятам, и поэтому знал, как бывает сладко, когда не чувствуешь себя вольно. И именно по этой причине ему следовало сейчас уйти отсюда, найти какое-нибудь укромное местечко и пересидеть погоню, чтобы не попасться самому. «Пакканы» были недалеко, они гнали разгоряченных коней и держали наготове пистолеты. Ох, как их Ян сейчас ненавидел. Жандармы! Сволочи голубые. Недаром их звали «пакканами», что означало «крупная собака».

Но вот там что-то произошло, «пакканы» сбились в кучку — они, очевидно, потеряли след человека. Потом один из них слез с коня и начал что-то делать в конопле. Ян понял, что это такое, только тогда, когда из прошлогодних сухих стеблей повалил дым и взметнулось пламя. Ага, эти сволочи его выкуривают.

Ян находился в сырой безопасной лошине почти у самого леса, но не мог удержаться, чтобы не выйти из нее, наблюдая за происходящим. «Пакканы» смотрели в коноплю, но не могли видеть того, что видел Ян. А он видел, как с противоположного конца черт знает почему неубранного поля выскочил человек и сполз на четвереньках в лозовые кусты придорожной канавы. Качнулись пару раз верхушки кустов и все стихло. «Упустили, сволочи, — подумал Ян, — ну и дьявол с вами». Его симпатии, как это почти всегда бывает с посторонними наблюдателями, были на стороне преследуемого. «Пакканы» окончательно потеряли след, но приняли, наконец, верное решение: они начали обходить поле, потом двое из тех, что отъехали к лесу, бросились наперерез к опушке, а остальные с шумом пустились полукольцом ко рву.

Ян понял, что ему нельзя больше стоять так открыто, и сел у ног лошади, чутко вслушиваясь в то, что происходит.

* * *

Яну Косе не повезло. Как только он выбрался из реки, его почти сразу заметил сторож барской усадьбы, и Коса понял, что ждать ему тут больше нечего: был один путь, правда, очень опасный, но для него единственный. Коса решил кое-как продрасться через помещичий Полянский край и пройти к родным в Жину, где при случае легко можно будет поднять крестьян на новый бунт, а в случае неудачи уйти, отсидеться в дебрях и болотах лесной Боровины. Коса так и сделал, но наверху сидели люди тоже умные, понимающие, куда должен был бежать узник. Не успел Коса дойти до первых лесных островков, как за ним по всем дорогам, ведущим на север, были пущены две сотни «пакканов». Наглеца хотели наказать в пример другим, поймать во что бы то ни стало и казнить такой страшной казнью, чтобы никто больше не захотел пытаться бежать. «Пакканы» настигли его полтора часа назад, он метался, как загнанный в нору зверь, но до сих пор благополучно избегал всех ловушек конных жандармов и неуклонно приближался к лесу, обещавшему ему спасение. Но гонка делала свое. Несмотря на ловкость и силу, он совершенно ослаб. Ему казалось неслыханным то, что он, пытанный и битый, вынес все то, что произошло за последние двадцать часов. Он с трудом ускользнул от облавы, учиненной «пакканами» и шляхтой в двух верстах отсюда.

Он бежит, его ноги изранены: обувь он давно скинул, она мешала быстро бежать, лицо в поту. Только в конопле он смог немного отдышаться и полежать среди желтых стеблей и зеленой молодой поросли. Они проехали один раз в какой-нибудь сажени от него. Остановились и смотрели — не шелохнется ли где-нибудь конопля. Еще хуже была безоружность. Под рукой не было ничего, кроме короткой и легкой дубинки, — что это могло значить перед пистолетами жандармов. Вдруг позади себя Коса услышал легкий треск. Он оглянулся: за ним ползла густая кисея удушливого дыма и уже мелькали вдалеке крохотные язычки огня. Коса понял, что он изжарится живьем, если не выскочит. В эту минуту у него в голове промелькнуло гениальное и простое решение. Он был почти на опушке зарослей. Если удастся проскользнуть в канаву, значит, у него два пути: один — пробраться по канаве к лесу, если же его перережут, то можно пробраться в ложину. Коса видел, как туда скользнул какой-то всадник. «Мещанин чертов, дрожит за свою шкуру. Хочет пересидеть в норе, когда кругом заваривается каша».

Тут же пришло новое решение: в случае, если отрежут путь, пробраться в ложину, обезвредить этого каплуна, отнять лошадь, проехать ложинной до

конца и галопом ускакать в лес, а там пусть его догонят эти чертовы ищейки на своих взмысленных гонкой лошадях. Неприятна, конечно, лишняя кровь, но что же поделаешь. В конце концов, лучше падаль из мещанина, чем из порядочного бандита. Коса задыхался, огонь все ближе подбирался к нему, лизал сухую траву у самых ног. Медлить было нельзя, и Коса кинулся, согнувшись, бежать. Он оглянулся («пакканов» отсюда не было видно) и свалился вниз головой в канаву. Пробежал по направлению к лесу саженей пятьдесят, и тут дружный вопль дал понять, что он обнаружен. В голове пронесся обрывок мысли: «Теперь в лощину. Иначе крышка». Коса, петляя в ложбинах и канавах, начал пробираться к лощине. Наконец-то... кусты. Он вышел из кустов и остановился, наполовину скрытый в листве. В сырой лощине с густой порослью травы, сырой и ядовито-зеленой, он увидел стоящую смирно вороную лошадку и рядом с нею красивого парня, довольно сильного на вид и хорошо одетого, который сидел на траве и равнодушно кусал травинку. Он заметил кучи камня и хвороста, лежавшего там и сям по ложбинке, густую поросль кустов на склонах, сухое жерло оврага сбоку, куда его хотели загнать. Он пригнулся и начал осторожно подкрадываться к сидящему. Хрустнул под его ногой сучок, он метнулся в сторону, но было поздно — парень заметил его. В ту же минуту Коса выпрямился и метнул свою дубинку в голову парня.

* * *

Ян поднял голову, услышав шум, и глаза его встретились с чьими-то дикими глазами на лице, заросшем густой бородой. Ян в тревоге поднялся, глаза бородатого блеснули, в лице появилось какое-то странное выражение и в ту же минуту из кустов фыркнула палка, Ян отскочил, но она больно зацепила его плечо. Он не успел очухаться, как какой-то человек в лохмотьях выскочил из кустов, кинулся ему под ноги и, когда Ян свалился на землю, — поднялся быстрее кошки и навалился на него всей тяжестью тела.

В ту же минуту Ян, движимый инстинктом самосохранения, схватил человека за горло. Тот укусил его за руку, вскрикнул и ударил Яна в лицо.

Ян вывернулся, и оба, грубо ругаясь, покатались по земле, осыпая друг друга ударами. Человек угодил Яну в переносицу, хлынула кровь, потекли из глаз слезы, но он оправился и ударил оборванца в подбородок, тот сразу обмяк и на минуту потерял сознание.

Ян успел подобрать выпавший из-за пояса во время драки пистолет и направил его на лежащего. Тот шевельнулся, застонал и сел. Дрожащим от боли и негодования голосом он крикнул: «Грабитель, разбойничья морда! Нападать на честных людей, скотина. Жандармы проворонили одного честного парня, но ничего — взамен они получают тебя».

Человек сел, рванул на груди остатки рубашки и свистящим шепотом произнес, вскрикнув на середине фразы:

— Ладно. Выдавай мстителя, шкура. Будь на стороне этой тронной сволочи. Да чего от вас, лавочников, и ждать. Скопидомы, кашеи несчастные, в белых перчатках убиваете, вешаете людей. Белоручки проклятые, выродки. — И он заплакал от обиды, глядя в черную дырку пистолета: — Стр-реляй, стерва!

Послышался близкий цокот копыт, а Коса все кричал:

— Стреляй, паскуда, мало я бил вашего брата при жизни, говно вы эдакое!

* * *

Толстый начальник «пакканов» Фокс, посланный в погоню самим начальником полиции, первым примчался на крик. За ним в ложину скатились еще двое «пакканов» и двое спешили от леса. Удивительная картина предстала их глазам: около лошади метался высокий парень с окровавленным лицом, потрясая кулаками. Возле него все носило следы ожесточенной борьбы. Он с криком бросился навстречу голубой форме:

— Слава богу, слава богу!

Фокс и остальные «пакканы» осадиле возле него коней.

— Кто такой?

— Гартман, путешественник.

— Руки, — гаркнул Фокс, — руки сюда.

Ян понял, чего от него требуют, и протянул вперед руки. Одного взгляда на них было достаточно Фоксу, чтобы увидеть, что этот человек не занимается физическим трудом: пальцы белые и тонкие. Тогда Фокс уже спросил:

— Что тут произошло?

— На меня напали. Вы гнались за человеком, стреляли, и я испугался, решил пересидеть здесь погоню. А он вдруг выскочил из кустов, лошадь хотел забрать у меня. Я отбивался, кричал, а он, услышав, что вы приближаетесь, бросился бежать...

— Куда! Куда! Дурацкая морда...

— Но, но — я дворянин и это вам может не пройти даром...

— Извините. Куда он побежал? Ради бога, скорее. Это опасный преступник.

— Он? Он побежал кустами и спустился в ров. Теперь он уже скрылся из вида.

Фокс окинул его глазами: обычный бедный дворянчик, разжившийся на каком-нибудь мошенничестве и сейчас «путешествующий», не зная, как это делают порядочные люди. Трусоватый малый. Он не любил белоручек.

Он подождал, пока подоспеют двое оставшихся «пакканов» и тогда, махнув рукою в направлении рва, крикнул:

— За мной! Теперь он от нас не уйдет.

Когда цокот жандармских коней замер в овраге, Ян осмотрелся и позвал тревожно:

— Эй, ты, вылазь!

Зашевелилась куча хвороста невдалеке, и из-под нее выполз задом изодраный и измученный Ян Коса. Он удивленно посмотрел на Яна и свалился без чувств: потрясения этого дня сделали свое дело. Тогда Ян подвел Струнку, поднял его тяжелое, обмякшее тело, подбросил и положил на седло впереди, вскочил сам и, не теряя ни минуты, погнал коня к лесу. Они пронеслись по дороге и исчезли в чаще леса, свернули на тропу, почти незаметную с дороги, и остановились только тогда, когда перешли несколько ручьев и были уверены, что никто их не обнаружит. Чаща была густой, на откосе стояли огромные ели, обросшие мхом, их мертвые нижние ветви в серо-зеленой парше мха торчали в стороны, как огромные сухие руки.

Мох покрывал землю так глубоко, что в нем тонула нога. Вековая тишина царил в первобытном лесу, и, как бы подчеркивая его, звучал изредка голос какой-то странной птицы: «Кать! Кать!» Ян удовлетворенно осмотрелся, опустил казавшееся безжизненным тело, развьючил Струнку и привязал к дереву у ручья, где можно было найти немного травы. Потом он принес воды и плеснул на лицо Косы. Тот по-прежнему лежал неподвижно. Ян вынул из

сумки флагу с вином и, с трудом разжав зубы, влил глоток в рот, с облегчением заметив, что у того вздрогнули ресницы. Ян вспомнил, каким голосом он кричал на него, как хотел выдать, но вдруг изменив решение, прошептал, закидывая хворостом: «Лежи! Говорю — не выдам. Но потом я с тобой рассчитаюсь», — и ему стало стыдно.

В тот самый час, когда разъяренные «пакканы» ни с чем возвращались в лошину, намереваясь содрать шкуру с лгуна, направившего их на неверный путь, и Фокс погнался коня, с наслаждением предвкушая месть, в тот самый час в лесу творилось следующее.

Очухавшийся уже Ян Коса сидел на обомшелом пне и с удивлением смотрел на Яна, хлопотавшего у вьюков. Ему было не по себе при виде человека, который его спас, несмотря на то, что он, Коса, покушался его убить.

У Косы вспыхивали жадными огнями глаза, когда он видел припасы, которые Ян раскладывал на свой пропахший за день лошадиным потом плащ. Он не видел их за все время сидения в Золане, а некоторые не пробовал никогда в жизни и поэтому, когда Ян позвал его, набросился на еду с жадностью голодного волка. Он охмелел от свободы и сытной еды и глядел на мир блестящими, но осоловелыми глазами. Он ел, глотал, жевал, давился, виновато поглядывая на сотрапезника, но тот успокоительно кивал ему, и Коса снова принимался за еду. Ему очень понравилась икра, он слышал, что ее привозят из дальних русских краев, но никогда не пробовал, и теперь ел, глотая слюну и радуясь с каждым ломтем хлеба, что в банке еще много. Однако съев половину большой банки, с сожалением оставил ее и принялся за услужливо поднесенный паштет в жестянке.

Сытый и благодарный, он опустился на мох у «стола» и, вспомнив вдруг о давешней привычке, о которой думать позабыл в Золане, попросил закурить. Ян дал ему сигару из своего запаса (держал их, хотя сам курил редко и только во время работы), и Коса блаженно задымил, неумело держа сигару между средним и безымянным пальцем. Некоторое время, пока Ян не убрал припасы во вьюк, царило напряженное молчание. Потом Коса сказал:

— Прости, браток. Я уж просто озверел: думал, схватят — опять будут мучить, загонять иголки под ногти, казнят.

— Ничего, — ответил Ян, — все хорошо, что хорошо кончается. Теперь ты выбрался из их лап или еще нет?

— Вряд ли, панок. Они поставят на ноги всю стражу. Но во всяком случае, я сейчас могу немного передохнуть. Теперь я уверен, что они меня словят не скоро.

— А кстати, что ты сделал такое, что тебя засадили в Золан? Почту ограбил, или что?

— Плохо ты думаешь обо мне, — сумрачно сказал Ян. — Я зарезал на своем веку шесть десятков этих сволочей, даже больше. Я палил маентки, я бандит. Спасибо тебе... вам, за все, но я вас не собираюсь подвергать опасности. Лучше будет, если вы не со мной.

— Так ты мститель, да? Но почему ты вдруг бросил работу в поле?

— Тяжело, брат, — уклончиво ответил Ян. — Мы далеко от столицы, но теперь и в наши леса они уже запустили лапы. Эти скоты сушат болота, кладут гати, вырубают леса, напугали все зверье. Нам нужны, конечно, и дороги, и гати, и лучше бы у нас совсем не было болот, но если по дорогам увозят наше добро, а взамен везут целые возы с плетками, то — слуга покорный. Сухая земля нам тоже нужна, но нас оттесняют все глубже в болота. Весь Жинский край теперь у них в лапах, а мы любим свободу и уходим в Боровинские пущи от еще худших бед. Сколько они пролили крови, сколько разлучили

семей, сколько народу продали в рабство. Мы — смирный, тихий народ, нас можно гнуть, как проволоку, но если эту проволоку сгибать постоянно, то она сломается, а может и ударить обидчика в глаз. Словом, к чертовой матери, извините. Ничего, когда-нибудь они получат. Оставим только добрых, вроде вас. А остальным выпустим кишки. Грабят песьеголовцы — все эти Нервы, Рингенау, Штайницы, Лёве, грабят денежные мешки, вроде Зверьяды, Гартмана, Мануса, Джонса. Мало того, грабят и наши продажные шкуры, наши богачи — всех на одну осину — наши Милковичи, Бущеки, Поповы.

А наш Замоийский, этот выскочка-граф. Вы сегодня целый день ехали по его поместьям. Дома у дороги богатые, но там живут его гайдуки. Кто посмеет сказать после этого, что у ясновельможного графа люди живут хуже скотины? А крестьяне живут в халупах в стороне от дороги. Говорят, у этого графа богатый, как сказка дворец, но он не показывает и носа в лачуги этих несчастных.

Ян не мог признаться, что он был в этом дворце, что дочь Замоийского его невеста, и он неопределенно промычал что-то. А Ян Коса продолжал:

— Я даже не спросил, как звать хорошего человека.

— Ян Вар. А тебя как?

— Ян Коса. Значит, два Яна... А кто вы такой?

— Я ученый.

— Ага, пишете книжки. Понятное дело. У нас их не читает никто — все безграмотные. А я если бы и знал грамоту лучше, чем сейчас, — все равно не смог бы купить эти книги. Пишете для господ, значит?

— Что ж, — сказал Ян грустно, — когда-нибудь и наши смогут читать. Плохо, что в загоне наш язык.

— Ого, значит, вы за него болеете.

— А как же. Но пока пишу на чужом.

— Что ж вам еще делать. А я резал этих врагов, этих чужаков. Нам с вами не по пути, хоть вы и добрый. На вас богатая одежда. Благодарю всем сердцем за помощь, в случае чего помогу с хлопцами, если жизнь повернется против вас. У нас в крае только наденьте три кувшина рядом на плетень, чтобы средний был разбитый, и вскоре увидите человека, который спросит, зачем понадобилась защита. Обещаю помощь и в Свайнвессене. Для этого нужно воткнуть у ворот палку или наклеить на окно треугольник из красной бумаги. За спасение смогу вас отблагодарить. Но я не хочу, чтобы вас за знакомство со мной посадили в равелин. Вот что. Вы уж меня за грубость простите. И еще раз спасибо... Вот.

Яну было ясно одно: его отвергали за белые руки, отвергал труженик, которого могли двадцать раз поймать, пока он доберется до своих болот. Положим, это не большая беда, но Ян Коса ему нравился неистребимой стойкостью. Он бежал из Золана, он провел «пакканов» и был хорошим парнем, хотя и смешным в своей ненависти к феодалам. Это неправильно, пусть среди них и немало сволочей. Коса нравился ему, но стыд за себя и Нису подмывал его ответить что-нибудь этому грабителю. Поэтому он сказал холодно:

— Вы не туда попали со своим воплем, приятель. Вы думаете, что я их прихвостень, а я — такая же загнанная крыса, как вы, хотя приказ о том, чтобы меня взяли, не дошел сюда. Я тоже бегу, меня могут схватить, как и вас, и участь моя в таком случае будет тоже весьма плачевна. Дело в том, что я заколол аристократа.

— Кого? — встрепенулся Коса.

— Гая фон Рингенау.

— Этого магната, что повесил в Андреевщине семерых лет десять назад?

— Нет, вряд ли. Скорее всего, его сына. Вот такие-то дела. Он сейчас, наверное, при смерти. Неужели вы думаете, что я выйду сухим из этой переделки? Я был тоже тихим человеком, но они задрали меня. Я был с девушкой, очень хорошей девушкой, и теперь рухнула и моя жизнь, и моя карьера. Я тоже заяц, по следам которого идут гончие.

Коса чувствовал себя подавленно оттого, что не разгадал этого красивого парня, и произнес сквозь зубы: «Прости, браток». — И желая добавить что-нибудь приятное, сказал:

— Эта девушка поедет за тобой и в глушь, если она хорошая и любит тебя.

— Д-да, поедет, — растерянно сказал Ян и потом решительно добавил: — А скоро меня будут ловить еще настойчивее. Я ввязался в скверную историю: выпорол плеткой управляющего у Замойских, отнял у него ружье (вольно ему бить батраков) и едва не застрелил гайдука. Здорово, правда? Если бы я этого не сделал... тогда другое дело. Я всегда ненавидел драки и кровь, а против воли стал убийцей, и меня приняли за бандита. Так вот, вы никуда не поедете: это единственная награда, которую я у вас требую за спасение. Вы будете последним человеком, если пренебрежете ею. Сейчас мы переоденемся, благо у меня три верхних платья, потом купим коня и доберемся до границы Боровины, где и расстанемся на повороте: вы по Жинской дороге, а я направо в Быкову Елину. Не смейте возражать. Только сперва вымойтесь в ручье, а то это подозрительно: корка грязи под белым воротником. Вот вам мыло.

— А что это такое? — удивился Коса.

— С ним надо мыться, оно лучше отмывает грязь.

— Я видел такие брусочки, когда жгли усадьбу, но не знал, что это за штука. У нас нигде так не моются, вместо этих брусочков у нас щёлок. Ну, ну... — Удивленный Коса ушел мыться к ручью, а Ян тем временем вытряхнул из мешка костюм, состоящий из охотничьего кафтана, кожаных штанов и шляпы с перышком. Коса, вернувшись, сразу поставил два условия, на которых он соглашался принять «это все».

— Только до распутия. Там я надену свои лохмотья, чтобы не было подозрений, и буду пробираться ночами, а лошадь продадим, и деньги возьмете вы. Иначе я этого не возьму.

Ян протестовал, но видя, что Коса не склонен слушать увещевания, вынужден был согласиться.

Пока Коса умывался, Ян вытряхнул из сумки какой-то мешочек и нашел в нем флакон с какой-то жидкостью апельсинового цвета.

— Это мы сейчас употребим.

— Что, пить? — удивился Коса.

— Нет, это положила Анжелика. Выкрасим наши рожи в смуглый цвет. А вы, кстати, сбейте бороду и усы, чтобы больше походить на пана. У меня, к сожалению, нет лишних сапог. Когда будем покупать лошадь, я скажу, что вас ограбили.

Через полчаса они не могли узнать самих себя. Ян тоже переоделся, и теперь на траве сидели два человека в почти одинаковых костюмах, оба смуглолицые, оба бритые (Коса стал совсем неузнаваем). Оба довольно красивые, только Ян более женственной красотой.

Они смотрели друг на друга и заливались хохотом. Им было весело, оба успели позабыть тревожения этого дня.

Ян рассматривал Косу с повышенным любопытством. Гибкий красивый хлопек с каштановыми волосами, брови черные, а без бороды он выглядел совсем

молодым. Глаза задорные, лишь где-то в глубине то и дело мелькает недобрый огонек. Сумрачные темные брови, лоб в ранних складках, морщинка с одной стороны рта. И рядом с горечью странно уживаются веселые глаза и ироническое выражение лица, которое придавала ему тонкая запятая кожи справа у рта.

Коса вдруг замолчал и потом сказал проникновенно:

— Брат, если уж ты решил рисковать до конца, то можешь надеяться на Косу тоже до конца. Я тебя тоже не выдам, что бы ни было, дай вот только разыскать своих хлопцев, и Коса еще пошумит. Коса любит храбрых парней. А ты заколол аристократа, чуть не убил гайдука, высек управляющего — на первый раз этого довольно.

— Да брось ты, — смущенно сказал Ян.

— Нет, нет. Ты что — Косе не веришь? Коса никогда не продал слова, Коса знает, что делать, Коса всегда поможет своему парню, если он попадет в беду. А теперь едем, а то они поднимут в Свайнвессене стражу и откроют погоню по всем правилам.

Они сели вдвоем на отдохнувшую Струнку и выбрались из леса уже затемно. Остановились они в корчме «Три ослиных головы». С двух сторон от двери действительно красовались две головы, а если бы доверчивый путник задумал спросить, где же третий осел, то на это красноречиво указало бы зеркало на наружной двери. Грубая шутка пользовалась неизменным почетом у посетителей, раздражавшихся хохотом всякий раз, когда кому-то приходилось разглядывать в зеркале собственную персону.

Оба путника успели поужинать, договориться с хозяином о покупке лошади и сапог, успели посидеть у камина (корчма была в лощине, и холодный туман, выступавший из пор распарившейся за день земли, делал огонь нелишней вещью), успели лечь спать на сене в холодной задней горнице, когда в дверь кто-то резко постучал. Испуганный хозяин выскочил с верзилкой работником во двор и увидел там конный разъезд, на кивера которого ложились отсветы факелов. Начальник этих троих спросил:

— Кто проезжал за день по дороге и кто ночует в корчме?

— Никто, ваша милость, — ответил испуганный толстяк. — Только в задней комнате спят двое каких-то не то испанцев, не то евреев. Смуглые такие курчавые люди.

— А ну показывай их. Это, кажется, они и есть, — сообразил стражник. — Где они?

— Сейчас проведу вашу милость, — услужливо сказал трактирщик, но тут его перебил угрюмый и тяжелый, как корч, батрак:

— Незачем это делать, ваша милость. Я сам видел два часа назад, как их грабили у леса два прохожих. Я побежал туда и спугнул их в лес. Они успели только снять сапоги и увести коней. Эти бандиты сейчас не иначе как ушли на Вуков остров к перелеску. Только вы их, пожалуй, не догоните. У одного была черная лошадь, да двух они отбили у этих... двух.

— Молчи.

— Можете сходить посмотреть. Только они знают не больше моего, спят сейчас и испуганы до полусмерти. Давайте я вас проведу.

— Пошел к черту. Где они?

— Так я ж и предлагаю проводить вас.

— Молчать, сволочь. Эти где? Те, что убежали.

— А они поехали вон в ту сторону, — сказал работник, выйдя за ворота и указывая пальцем на восток.

Стражник выругался, и разъезд торопливо умчался в том направлении, светя багряными факелами.

Корчмарь в ужасе набросился на работника, упрекая его в том, что он навел стражу на неверный путь и не дал спасти этих заведомых бандитов.

— Да я не хуже вас знаю, что это бандиты, — ответил неладно скроенный работник. — А что, лучше было бы, когда б они заперлись там и начали отстреливаться, а может, и двор подожгли? Люди всегда верят худшему. Вот и сказали бы, что Игнаш Круль выдал двух бандитов, а Павлюк Дымина помог ему. Ха-ха, посмотрел бы я тогда на вас.

— Но если б они не поверили, так нам за укрывательство...

— Правильно, дали бы каждому по два года. А что — было бы лучше, если б нас нашли в хлеву с ножами в глотках? Нет уж, слуга покорный, я лучше отсижу. Вы думаете, они нам это даруют, — дудки. Я-то уж знаю, что с ними лучше не связываться. Это отчаянные ребята... вот потому и не выдал.

Трактирщик, причитая, отправился будить опасных «испанцев», и через час они, невыспавшиеся и чертыхающиеся, сели на лошадей (лошадь и сапоги трактирщик все же продал). Когда они отъехали от крыльца, чей-то голос окликнул их, и через минуту Павлюк Дымина, перемахнув через забор, сунул им в руки какой-то мешок.

— Вот... вы уж берите... жрать небось нечего, а тут эти... яблоки и... как его... хлеб.

Потом его точно прорвало, и он горячо заговорил:

— Я знаю, что вы бандиты. За вами сейчас гонятся, скрывайтесь. Я их направил по другому пути. Сейчас вы не можете меня взять, но если понадобится верный человек — обратитесь к Павлюку Дымине. У меня, правда, нет ружья и пистолета, зато я легко орудую топором и дубиной. Я узнал тебя, Коса, с трудом, но узнал. Только я слышал, что ты сидишь в Золане.

Коса прервал его красноречие:

— Ладно, — важно ответил он, — ты будешь в резерве. Только если не станешь держать язык за зубами, так будет тебе не отряд, а решетка в каземате. Да и нам болтуны не нужны. Я буду заходить к тебе или посылать человека. Понял? И помалкивай, безопасней будет. Будешь нашим — награда, будешь в стороне — не тронем, изменишь — узнаем, из-под земли выроем.

— Не обижайте, — только и успел сказать парень, потому что всадники погнали лошадей во весь опор.

Тогда он отошел в тень и сказал, почесывая голову:

— Твердая рука у парня, настоящий начальник. С таким не пропадешь. А трактирщика брошу, сволочь такую.

И он еще раз с надеждой посмотрел туда, где гнали коней двое уходящих от преследования храбрых малых.

Под утро жандармы приехали еще раз, мокрые и грязные, усталые до полусмерти. Ругались так скверно, что хозяйина пробрала дрожь. Они распили квартиру вина, грозились, что разнесут трактир по бревну за то, что батрак не смог задержать грабителей. Потом они поплелись по дороге к Свайнвессену, как побитые собаки, и тащились так медленно, что Дымина изнемог от ненависти, глядя на их просоленные на лопатках спины и грязные сапоги.

Окончание следует.

*Публикация
Анатоля Верабья.*

